

	Ф.	671
	Оп.	1
	Д.	262
	П.	1

176a

ЕЖОВ Н.И.

План написания книги "От фракционности к
открытой контрреволюции".

УНБ. №213

том XI.

О ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗИНОВЬЕВСКО-ТРОЦ-
КИСТСКОГО ЦЕНТРА.

1. О перерыве в подготовке покушения.
2. О форсировании подготовки покушения. И почему они форсировали.
3. Об инструктивной поездке Бакаева и Каменева в Ленинград.
4. О попытке покушения на тов. Сталина в октябре 1934г. и замечание Каменева о неудаче.
5. Зиновьев (по словам Бакаева) говорит, что убийство Сталина дело чести зиновьевцев.
6. Признание Зиновьевым, что он убил Кирова и одновременно об апогее его двурушничества (некролог о смерти т. Кирова).
7. Каменев признается в измене.
8. О подготовке покушения на т.т. Ворошилова, Орджоникидзе, Кагановича и других.

О ЗАПАСНОМ ЦЕНТРЕ И ПЕРЕГОВОРАХ З.-Т.С БЫВШИМИ
ОППОЗИЦИОННЫМИ ГРУППИРОВКАМИ, КОТОРЫЕ ВСТАЛИ НА К.-Р.ПУТЬ.

1. Ломинадзе - Шацкий.
2. Переговоры с правыми о террористической деятельности.
3. Шляпников и Медведев.

ПЛАНЫ ЗАХВАТА ВЛАСТИ.

1. О распределении функций.
2. Установки замести следы (самоубийство Богдана, как иллюстрация).

О ПОПЫТКЕ СОЗДАТЬ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД ЗАГРАНИЦЕЙ.

1. Сообщение Рейнгольда и Каменева об этом.
2. Сообщение Радека о подготовке паспорта (подготовка фальшивых паспортов сейчас же после XV съезда, когда они собирались за границу).

"Дефектный" большевизм Зиновьева.

Зиновьевщина - разновидность троцкизма.

ЗИНОВЬЕВСКО-ТРОЦКИСТСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ ЦЕНТР.

1. Блок создан на основе признания террора.
2. Троцкий и террор (фактический материал).
 - а) прямые директивы (личные переговоры, Фриц Давид, Лурье, Гольцман);
 - б) письменные директивы (письмо Троцкого Дрейцеру, письмо через Гавена и связь через Седова).

МАРКСИЗМ И ТЕРРОР.

1. Заявление Рейнгольда об установках Зиновьева и Каменева о марксизме и терроре.
2. Троцкий "только мещане от марксизма отрицают террор".
3. Зиновьев - аналогия с эсерами.
4. Последнее слово Тер-Ваганяна.

ЗИНОВЬЕВСКО-ТРОЦКИСТСКАЯ БАНДА И ФАШИЗМ.

1. "Разделение" труда между Гитлером и Троцким.
~~Вопросы и ответы на вопросы о сотрудничестве с фашистами.~~
2. Фактический материал о связи с Гестапо.
3. Признание Каменева, что их руки переплелись с фашистами.

О БОНАПАРТИЗМЕ.

1. Тов. Сталин о сущности бонапартизма.
2. Обвинение в бонапартизме больше подходит к зиновьевцам и троцкистам.
3. Своевременное предупреждение партии о неизбежности такого конца.
 - а) Тов. Сталин о неизбежности такого конца.
 - б) Тов. Дзержинский обозвал их кронштадтцами еще накануне XIV съезда.
 - в) Угольки терроризма тлели еще до XIV съезда (обстановка, в которую попал Скворцов-Степанов в "Ленинградской Правде").

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГОЦ Е Н Т Р А ."Правда", 20 августа 1936г.Утреннее заседание от 19 августа.ДОПРОС МРАЧКОВСКОГО.

Мрачковский говорит, что в 1929г. они возвращались из ссылки с двурушнической целью ведения дальнейшей борьбы против партии.

Платформа т.-з. была опрокинута жизнью.

Мрачковский при этом признает, что никакой политической платформы эта контрреволюционная группа не имела, что «эта платформа, которая была составлена в прежний период 1925 — 27 г. г., была опрокинута правильностью генеральной линии партии».

Мрачковский о решении в 1931 году перейти к террору.

Далее Мрачковский говорит о том, что в 1931 году уже открыто в этой троцкистской группе был поставлен вопрос о терроре. И. Н. Смирнов, ездивший в Берлин, привез директиву от Троцкого, полученную им через сына Троцкого — Л. Седова: «Пока мы не уберем Сталина — мы не можем вернуться к власти».

Вышинский: Что означает ваше выражение: «пока мы не уберем Сталина»?

Мрачковский: Пока не убьем Сталина.

На этом же заседании в присутствии Смирнова, меня, Тер-Ваганяна и Сафоновой на меня была возложена задача организовать террористическую группу, т. е. отобрать надежных людей. Вместе со мной это дело было поручено Дрейперу. Этот период 1931 и 1932 г. г. шел на разработку и подготовку людей для террористических актов. Я подобрал для этой цели Япека, Юдина, Дрейпер подобрал еще группу людей, в том числе Шмидта, Кузьмичева и не помню еще кого-то. Как я уже говорил, этот период шел на подготовку людей для организации террористических актов против Сталина, Ворошилова и Кагановича.

Мрачковский об об"единении троцкистской террористиче-

ской группы с зинovieвцами.

Далее Мрачковский показывает, что во второй половине 1932 г. был поставлен вопрос о необходимости объединения троцкистской террористической группы с зинovieвцами. Вопрос об этом объединении был поставлен И. Н. Смирновым, при чем он это мотивировал тем, что одних троцкистских сил слишком мало, и поэтому необходимо объединить все контрреволюционные группы. Тогда же Смирнов через Гольцмана послал письмо Троцкому, в ко-

тором информировал его о состоянии троцкистской организации и поставил перед ним вопрос об объединении с зинovieвцами. Осенью 1932 года было получено ответное письмо от Троцкого, в котором он одобрил решение об объединении с зинovieвцами. Троцкий передал тогда же через своего посланца Гавена, что объединение должно происходить на базе террора, при чем здесь же Троцкий снова подчеркнул, что необходимо убить Сталина, Ворошилова и Кирова.

Мрачковский об организации московского центра:

Летом 1934 года Мрачковский встретился с Каменевым. «Каменев, — показывает Мрачковский, — подтвердил мне, что организован московский террористический центр. Каменев проявлял недовольство медлительностью работы в деле подготовки террористических актов. Тут же в разговоре он сказал, что Бакаев организует в Ленинграде, и как будто довольно успешно, хотя медленно, террористический акт против Кирова».

Мрачковский о письме Троцкого о терроре:

Продолжая свои показания, Мрачковский указывает, что в декабре 1934 года, находясь в Казахстане, он получил от Дрейпера написанное химическим способом письмо Троцкого примерно такого содержания: — Дорогой друг, на сегодняшний день перед нами стоит задача форсировать убийство Сталина и Ворошилова. На случай войны надо занять пораженческую позицию и воспользоваться замешательством. Необходимо организовать ячейки в Красной армии. — Письмо было подписано «Старик». Мрачковский подчеркивает, что он прекрасно знает почерк Троцкого и что он не имеет ни малейших сомнений в том, что письмо действительно было написано Троцким.

Мрачковский о времени организации з.т.центра:

Затем Мрачковский показывает о деятельности троцкистско-зиновьевского террористического центра. В этот центр входили Зиновьев, Каменев, Ломинадзе, Мрачковский, Тер-Ваганян и др.

Тов. Вышинский далее ставит вопрос Зиновьеву:

Вышинский: Когда организовался объединенный центр?

Зиновьев: Летом 1932 года.

Вышинский: В течение какого времени он действовал?

Зиновьев: Фактически до 1936 года.

Вышинский: В чем выражалась его деятельность?

Зиновьев: Главное в его деятельности заключалось в подготовке террористических актов.

Вышинский: Против кого?

Зиновьев: Против руководителей.

Вышинский: Т. е. против товарищей Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство товарища Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром или какой-нибудь другой организацией?

Зиновьев: Да, нашим центром.

Вышинский: В этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Значит, вы все организовали убийство тов. Кирова?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Значит, вы все убили тов. Кирова?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Садитесь.

В связи с показаниями Мрачковского допрашивается обвиняемый Тер-Ваганян,

который признает, что переговоры о создании объединенного троцкистско-зиновьевского террористического блока начались уже с июня 1932 года, при чем на первой стадии переговоров он, Тер-Ваганян, играл роль посредника между Ломинадзе и Каменевым и между Смирновым и Зиновьевым.

(N 6)

Зиновьев
убил
т. Кирова

Каменев об установке Троцкого на террор:

На вопрос тов. Вышинского обвиняемый Каменев еще раз подтверждает, что «со слов Смирнова передавались и играли решающую роль в организации указания, лично полученные им от Троцкого, — установка о терроре».

Бакаев и Каменев о поездке Бакаева в Ленинград:

В конце допроса Мрачковского Вышинский задает Бакаеву вопрос о том, когда он ездил в 1934 году в Ленинград.
Бакаев: Осенью.
Вышинский: Для какой цели?
Бакаев: Для проверки готовности организации убийства Кирова.
Вышинский (обращается к Каменеву): Вы дали поручение по подготовке убийства Кирова?
Каменев: Да, осенью.
Вышинский: Осенью вы вместе с Евдокимовым дали поручение Бакаеву отправиться в Ленинград и проверить, насколько успешно идет подготовка ленинградской троцкистско-зиновьевской группы к убийству Кирова? Это правильно, вы подтверждаете?
Каменев: Да, правильно. Подтверждаю.

Евдокимов о своем участии в т.-з. центре:

Затем суд переходит к допросу обвиняемого Евдокимова.
 На вопросы председателя суда тов. Ульянова, признает ли Евдокимов свои показания, данные им на предварительном следствии, Евдокимов отвечает утвердительно. После этого Евдокимов отвечает на ряд вопросов тов. Вышинского.
Вышинский: Вы были членом центра?
Евдокимов: Да, был.
Вышинский: Вы знали, что центр подготавливает убийство руководителей ВКП(б) и советского государства?
Евдокимов: Да.
Вышинский: Вы лично одобряли подготовку этих убийств?
Евдокимов: Я согласен был с ними.
Вышинский: Вы принимали участие и счи-

тали, что нужно было пойти по пути убийств?
Евдокимов: Да.
Вышинский: Вы признаете, что при вашем содействии было подготовлено убийство тов. Кирова?
Евдокимов: Да, признаю.
Вышинский: На суде в Ленинграде 15—16 января 1935 г. вы также, стоя перед судом, как сейчас, категорически утверждали, что никакого отношения к этому убийству не имели. Вы говорили тогда неправду?
Евдокимов: Да, я обманул суд.
Вышинский: Думали, что обманули. В действительности обман не удался, сейчас он вскрыт.
Евдокимов: Да.

Евдокимов о совещании летом 1932г. между зиновьевцами и троцкистами:

После этого Евдокимов подробно рассказывает суду о том, что убийство С. М. Кирова было произведено по прямой директиве террористического центра троцкистско-зиновьевской организации. Установки на террор исходили от Троцкого. С Смирновым, — говорит Евдокимов, — мы несколько раз разговаривали по этому вопросу. Так, летом 1932 г., в вагоне Мрачковского, приехавшего в Москву, состоялось совещание, на котором были: я, Мрачковский, Смирнов и Тер-Ваганян. Разговор шел о терроре. Особенно террор поддерживал Смирнов.
 Это показание Евдокимова Смирнов пытается отрицать. Однако из ответов Мрачковского и Евдокимова на вопросы тов. Вышинского устанавливается, что разговор о терроре имел место и Смирнов целиком и полностью поддерживал установку на совершение террористических актов.
 — Вскоре после разговоров в вагоне Мрачковского, — продолжает Евдокимов свои показания, — состоялось совещание в Ильинском на даче, где Каменев и Зиновьев жили в то время вместе. На этом совещании, на котором присутствовали Карев, Зи-

новьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, было решено, а потом проведено в жизнь, образование московского и ленинградского центров для объединения террористических групп. На этом же совещании в Ильинском в 1932 г. прямо говорилось о необходимости террора, в первую очередь против Сталина и Кирова. Организация этих террористических актов, по предложению Зиновьева, была поручена Бакаеву.

Вышинский: Обвиняемый Бакаев, вы подтверждаете это?
Бакаев: Во время этого совещания Зиновьев сказал, что троцкисты по предложению Троцкого приступили к организации убийства Сталина, что мы должны взять инициативу дела убийства Сталина в свои руки.
Вышинский: Это говорил Зиновьев?
Бакаев: Да.
Вышинский: Зиновьев говорил, что вы должны были взять инициативу?
Бакаев: На этом совещании было поручено мне организовать террористический акт против Сталина.
Вышинский: И вы это на себя взяли?
Бакаев: Да.

Евдокимов, Бакаев и Каменев о директиве форсировать убийство тов. Кирова и об инструктивной поездке Бакаева в Ленинград:

роновича Кирова ленинградскими террористами. Эти террористические группы установили слежку за Сергеем Мироновичем Кировым и выжидали удобного момента, чтобы совершить террористический акт.

Вышинский: Убийство Сергея Мироновича Кирова было подготовлено центром?

Евдокимов: Да.

Вышинский: Вы лично принимали участие в этой подготовке?

Евдокимов: Да.

Вышинский: Вместе с вами принимали участие в подготовке Зиновьев и Каменев?

Евдокимов: Да.

Вышинский: По поручению центра Бакаев ездил в Ленинград проверять ход подготовки там на месте?

Евдокимов: Да.

Тов. Вышинский путем дальнейших вопросов устанавливает, что Бакаев во время своей поездки в Ленинград имел встречу с убийцей С. М. Кирова — Николаевым, с которым Бакаев имел разговор о подготовке убийства.

Вышинский (обращаясь к Бакаеву): Вы в Ленинграде виделись с Николаевым?

Бакаев: Да.

Вышинский: По поводу убийства С. М. Кирова договаривались?

Бакаев: Мне не нужно было договариваться, потому что директива об убийстве была дана Зиновьевым и Каменевым.

Вышинский: Но вам говорил Николаев, что он решил совершить убийство С. М. Кирова?

Бакаев: Говорил он и другие террористы — Левин, Мандельштам, Котолынов, Руминцев.

Вышинский: Разговор был об убийстве Кирова?

Бакаев: Да.

Вышинский: Он изложил свою решимость. А вы как относились к этому?

Бакаев: Положительно.

Из дальнейших вопросов тов. Вышинского Бакаеву выясняется, что последний после своей поездки в Ленинград докладывал Евдокимову и Каменеву о ходе подготовки убийства С. М. Кирова. На вопрос тов. Вышинского обвиняемому Каменеву о том, имел ли место действительно такой доклад Бакаева ему, Каменеву, Каменев отвечает утвердительно.

Вышинский (обращаясь к Каменеву): Что он вам передал?

Каменев: Он сказал, что организация подготовлена к совершению удара и что этот удар последует.

Вышинский: А вы как к этому отнеслись?

Каменев: Удар был задуман и подготовлен по постановлению центра, членом которого я был, и я это рассматривал, как выполнение той задачи, которую мы себе ставили.

На этом утреннее заседание закончилось.

20/VIII - 1936

В дальнейшем Евдокимов, касаясь фактической стороны подготовки убийства С. М. Кирова, рассказывает, что летом 1934 года на квартире Каменева в Москве состоялось совещание, на котором присутствовали Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Сокольников, Тер-Ваганян, Рейнгольд и Бакаев. На этом совещании было принято решение форсировать убийство С. М. Кирова.

Вышинский: Так прямо и говорилось «форсировать убийство С. М. Кирова»?

Евдокимов: Да, так говорилось.

С этой целью осенью 1934 года, — продолжает Евдокимов, — Бакаев поехал в Ленинград проверить, как идет подготовка террористического акта против Сергея Ми-

"Правда", 21 августа 1936 года.

Вечернее заседание 19 августа.

ДОПРОС ДРЕЙЦЕРА.

Письмо от Троцкого:

В октябре 1934 года сестра Дрейцера привезла ему из Варшавы немецкий кинематографический журнал, переданный ей для Дрейцера агентом Седова. В журнале Дрейцер легко обнаружил — так как еще в Берлине условился с Седовым о таком способе связи — написанное химическими чернилами собственноручное письмо Троцкого, заключавшее в себе директиву немедленно подготовить и осуществить террористические акты против Сталина и Ворошилова. Письмо это Дрейцер немедленно переслал Мрачковскому, который, ознакомившись с письмом, из соображений конфиденциальности его сжег.

Дрейцер об организации блока между троцкистами и зиновьевцами на базе террора:

курсы
н 2.
...необходимости взять курс на террористические методы борьбы говорил Дрейцеру еще в сентябре—октябре 1931 года в СССР И. Н. Смирнов. А осенью 1932 года Дрейцер получил от И. Н. Смирнова на квартире последнего прямую директиву об организации террористических актов против Сталина и Ворошилова. Смирнов, ссылаясь на установки Троцкого, тут же предложил Дрейцеру связаться, в целях практической подготовки и осуществления террористических актов, с Мрачковским. «Следующее мое свидание с Иваном Никитичем Смирновым,—заявляет Дрейцер,—состоялось в 1932 году. Это было осенью. На этом свидании он сообщил, что вопрос о блоке разрешен, что блок уже состоялся и что он состоялся на базе террористических установок Троцкого».

Дрейцер о форсировании террора:

форсированный
н 3.
Весной 1933 года Мрачковский повторил Дрейцеру указания троцкистско-зиновьевского центра о форсированном проведении террора против руководства ВКП(б) и советского правительства. Более того, Мрачковский, уезжая из Москвы, передал в распоряжение Дрейцера подготовленные им кадры террористов. Кроме Смирнова и Мрачковского, Дрейцер был теснейшим образом связан с Рейнгольдом и Пителем, с которыми вместе входил в Московский террористический центр троцкистско-зиновьевского блока.

Зиновьев о переходе зиновьевцев и троцкистов к террору

н 4.
После окончания допроса Дрейцера тов. Вышинский задает несколько вопросов подсудимому Зиновьеву.

Вышинский: Обвиняемый Зиновьев, летом 1932 года у вас уже была договоренность о необходимости организовать террористические акты или шла только речь об этих террористических актах?

Зиновьев: Насколько я себе представляю, дело было так: у троцкистов это было уже созревшее решение, опиравшееся на совершенно точную и довольно давнюю директиву Троцкого, и с их стороны были предприняты целый ряд практических шагов.

Вышинский: Как себя вела по отношению к террору троцкистская часть вашего блока?

Зиновьев: В наших переговорах о создании объединенного центра этот вопрос играл решающую роль. Так называемая зиновьевская часть блока к этому времени вполне созрела для таких решений.

Вышинский: В этом отношении Смирнов проявлял какую-нибудь активность или нет?

Зиновьев: Смирнов, по-моему, больше чем кто-либо проявлял активность и рассматривался нами, как бесспорный

глава троцкистской части блока, как человек, наиболее осведомленный о настроениях Троцкого и целиком их разделяющий.

Вышинский: И вы лично от Смирнова слышали ряд предложений?

Зиновьев: Я лично вел с ним переговоры 2—3 раза.

Вышинский: И во время этих переговоров Смирнов проявлял ли напористость, нажимал ли на террористические акты?

Зиновьев: Как я уже говорил, горячо и убедительно настаивал на совершении террористических актов, хотя убеждать нас не надо было, мы были убеждены.

н 4.
Вышинский: Я прошу суд обратить внимание на то, что показаниями Зиновьева, Рейнгольда и Дрейцера устанавливается, что после 1932 г. шла практическая подготовка к террористическим актам, при чем Дрейцер это осуществлял по непосредственным указаниям Смирнова, а Смирнов настаивал перед Зиновьевым о переходе к террористической деятельности. Я прошу на это обратить внимание, как на вывод из того следствия, которое мы до сих пор провели.

ДОПРОС РЕЙНГОЛЬДА.

Рейнгольд об об"единении зиновьевцев и троцкистов в 1931 году:

Томским. Мысль об объединении зиновьевцев с троцкистами, — говорит Рейнгольд, — была еще в 1931 году. Встречаясь с Зиновьевым на его квартире и на даче в этом году, я слышал от него заявление, что зря мы, мол, разошлись с Троцким. Рейнгольд показывает, что, говоря об общеполитическом положении, Зиновьев подчеркивал, что хозяйственное положение Советского Союза укрепилося, и говорить о крахе никоим образом не приходится. Необходимо объединить все оппозиционные теперешнему руководству силы. Так подготавлился блок с троцкистами. При чем основой объединения троцкистов с зиновьевцами, — подчеркивает Рейнгольд, — был террор.

Рейнгольд об увязке у Зиновьева и Каменева террористической деятельности с марксизмом:

МОГО РЕЙНГОЛЬДА

Вышинский: Как увязывалась у Зиновьева и Каменева террористическая деятельность с марксизмом?

Рейнгольд: У Каменева в 1932 году в присутствии ряда членов объединенного троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что хотя террор и не совместим с марксизмом, но в данный момент это надо отбросить. Других методов борьбы с руководством партии и правительства в данное время нет. Сталин объединяет всю силу и твердость теперешнего партийного руководства. Поэтому в первую голову надо убрать Сталина. Каменев развивал ту же теорию, говоря, что прежние методы борьбы, а именно: завоевание масс, верхушечные комбинации с правыми, ставка на хозяйственные трудности — провалились. Поэтому единственным методом борьбы являются террористические действия против Сталина и его ближайших соратников — Кирова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Постышева, Косиора и других.

Рейнгольд о переговорах с правыми и др. к-р. группировками:

«Для этой цели, — продолжает Рейнгольд, — было решено создать организацию из наиболее отобранных решительных людей, которая могла бы эту задачу довести до конца. Одновременно с этим имели место переговоры с руководителями правых — Бухариным и Томским. Зиновьев после этих переговоров прямо сказал, что он нашел общий политический язык с Томским в оценке политики нашей страны. Эти разговоры продолжались и в 1932 году, их вел Каменев с Томским и Рыковым. Связь с Бухариным поддерживалась через Карева — активного зиновьевца, который был тесно связан с двумя террористическими группами Слепкова и Эйсмонта».

Рейнгольд о перерыве террористической деятельности с осени 1932 года по лето 1933 года:

В нашей террористической деятельности, продолжает Рейнгольд, между осенью 1932 года и летом 1933 года был перерыв, вызванный провалом Зиновьева и Каменева в связи с делом Рютина. В связи с этим на одном из совещаний на квартире у бывшего личного секретаря Зиновьева Богдана, в начале 1933 года, Евдокимов от имени объединенного центра передал директиву: свернуть террористиче-

скую работу до тех пор, пока Зиновьев и Каменев не вернутся из ссылки, до тех пор, пока они не покаются и не будут восстановлены в партии, не будут облечены некоторым доверием.

Вышинский: Это говорил Евдокимов?

Рейнгольд: Об этом говорил Евдокимов.

Вышинский: Евдокимов знал, что Зиновьев и Каменев должны покаяться?

Рейнгольд: Знал. Он знал, что это лежит в природе зиновьевской организации, которая имела в прошлом, до этого немалый опыт такого рода показаний.

Рейнгольд о двурушнических методах зиновьевцев и троцкистов: и о сочетании двух методов: "вползти на брюхе в партию" и одновременной подготовке террористических покушений:

Дальше Рейнгольд рассказывает суду о том чудовищном двурушничестве, которое возвели в систему Зиновьев и Каменев. Зиновьев и Каменев, говорит Рейнгольд, настаивали на том, чтобы всячески использовать все легальные возможности для того, чтобы вползти на брюхе в партию, — это любимое выражение Зиновьева, — и завоевать доверие партии, в частности Сталина. После того, как это доверие будет восстановлено, должна была вестись параллельно глубоко законспирированная террористическая работа. В сочетании этих двух методов и заключался тот способ, который, как рассчитывали Зиновьев и Каменев, мог бы привести их к власти. В случае успеха террористических планов, продолжает Рейнгольд, Зиновьев и Каменев, как восстановленные в партии при Сталине, прощенные им, думали «естественным» путем вернуться к власти.

Вышинский: Я вас так понимаю, что и Каменев и Зиновьев шли по двум линиям: с одной стороны, они старались всячески доказать свою лояльность, преданность партии, с другой стороны, они именно готовили

террористические акты против руководителей партии. Так?

Рейнгольд: Да.

Вышинский: Обвиняемый Зиновьев, это показание Рейнгольда вас уличает в тяжелом преступлении. Вы признаете себя виновным?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Обвиняемому Каменеву я задаю тот же вопрос.

Каменев: Я отвечаю положительно.

Тов. Вышинский напоминает Каменеву, что он это признал только после показания Рейнгольда, на предварительном следствии он этого не говорил, пока не был уличен другими. На ряд вопросов тов. Вышинского Каменев признает, что чудовищный план захвата власти на основе двурушничества и террора существовал.

Вышинский. Вы, следовательно, подтверждаете, что такой чудовищный план у вас существовал?

Каменев: Да, этот чудовищный план существовал.

Вышинский: Вы разработали этот чудовищный план и сейчас это подтверждаете?

Каменев: Да, подтверждаю.

Рейнгольд и Каменев о специальном фонде финансирования террористической организации:

При дальнейшем вопросе Рейнгольда выясняется, что Рейнгольд получал от Каменева и Зиновьева ряд ответственных заданий, в частности задание — создать за границей специальный фонд финансирования террористической организации, на случай высылки Каменева и Зиновьева за границу.

Вышинский: Обвиняемый Каменев, был такой разговор?

Каменев: Это было в 1929 году, когда я и Зиновьев предполагали, что мы можем быть высланы за границу, как и Троцкий, а поэтому считали необходимым создать за границей некоторый фонд для поддержки и продолжения той работы, которую мы вели здесь.

Вышинский: Из каких средств вы думали создать этот фонд?

Каменев: У нас были намечены средства.

Вышинский: Вы обратились за помощью к Рейнгольду?

Каменев: Не за помощью, а просто с поручением к Рейнгольду и Аркусу о создании этого фонда. Рейнгольд и Аркус были финработниками, которыми руководил Сокольников.

Вышинский: Этот фонд вы предполагали организовать за счет государства?

Каменев: Во всяком случае не из личных средств Рейнгольда.

Вышинский: Вернее говоря, вы хотели обокрасть государство.

Рейнгольд о плане з.-т.центра о сокрытии следов:

Обвиняемый Рейнгольд, отвечая на вопросы тов. Вышинского, как ставился в троцкистско-зиновьевском центре вопрос о сокрытии следов террористических преступлений, сообщает, что троцкистско-зиновьевский центр, в случае своего прихода к власти, имел в виду уничтожить всех тех работников ГПУ, которые, по его предположению, могли иметь в своих руках нити подготовлявшегося «государственного террористического заговора», и всех прямо и непосредственно причастных к террору своих сторонников.

«Предполагалось и Зиновьевым и Каменевым (об этом они делились со мною), — показывает Рейнгольд, — что Бакаев должен будет на завтра после переворота, после захвата власти, стать во главе ГПУ в качестве председателя ГПУ. Опираясь на

аппарат ГПУ, он должен был помочь скрыть следы, должен был уничтожить, убить не только тех сотрудников и работников НКВД — ГПУ, которые могли бы иметь кое-какие нити заговора, но и всех непосредственных исполнителей террористических актов против Сталина и его ближайших помощников. Своих активистов, своих террористов-боевиков, которые были замешаны в этом деле, должна была уничтожить троцкистско-зиновьевская организация руками Бакаева».

Предполагалось также, продолжает свои показания Рейнгольд, после захвата власти вызвать из-за границы Троцкого и, опираясь на Троцкого, убрать с партийных и советских постов всех лиц, наиболее преданных Сталину, и таким образом полностью захватить в свои руки власть в стране.

Рейнгольд о подборе Бакаевым и Зиновьевым надежных людей:

Из объяснений Рейнгольда, а также вопросов тов. Вышинского Бакаеву и Зиновьеву выясняется роль Бакаева, как организатора террористических групп, в которые подбирали особо «надежных» людей.

Из таких «надежных» людей называют: бывшего секретаря Зиновьева — Богдана; активных зиновьевцев Радина и Файвиловича и расстрелянных по делу об убийстве Кирова всем известных террористов Румянцева и Котолынова.

Вышинский (обращаясь к Бакаеву): У Богдана какие-либо поручения были?

Бакаев: Да.

Вышинский: От кого?

Бакаев: От Зиновьева. По поручению Зиновьева Богдан должен был стрелять в Сталина в секретариате ЦК.

Вышинский: Обвиняемый Зиновьев, вы слышали показания Бакаева?

Зиновьев: Правильно то, что я рекомендовал Бакаеву привлечь Богдана для покушений, в том числе и на Сталина.

Бакаев в этой связи показывает: «Я, по предложению Зиновьева, после того, как мне было поручено организовать убийство, зашел на следующий день к нему. Встретил там Рейнгольда и Богдана. Зиновьев, здороваясь, сказал мне: «Вот боевик для нашей группы, затем Рейнгольд рекомендует еще Файвиловича, я тоже его знаю с хорошей стороны».

Вышинский: Что это значит «с хорошей стороны»?

Бакаев: Абсолютно надежный человек.

Вышинский: Для выполнения террористических актов?

Бакаев: Да.

ДОПРОС БАКАЕВА.

Бакаев, как непосредственный организатор террористических актов против тов. Сталина и тов. Кирова:

После Рейнгольда давал показания весьма близкий к Зиновьеву и Каменеву активнейший террорист — Бакаев. Бакаев — непосредственный организатор террористических актов против товарища Сталина и товарища Кирова; отвечая на вопросы тов. Вышинского, он показывает суду о том, как происходила подготовка этих террористических актов. Особенно форсированная террористическая деятельность велась в августе 1932 года и осенью 1934 года. Бакаев называет имена участников подготовки террористических актов. Участники эти — Рейнгольд, Пикель, Файвилович, Радин и др.

Бакаев о сокрытии следов:

Бакаев показывает суду, как старались прятать концы в воду террористы из троцкистско-зиновьевского центра, как стремились они сохранить свою конспирацию. Осенью 1932 года Зиновьев и Каменев были исключены из партии. Встал вопрос, как быть дальше. Тогда состоялась встреча Бакаева с Зиновьевым, Евдокимовым, Куклиным, Шаровым, Дрейцером и другими, и было решено временно приостановить террористическую деятельность. Осенью 1934 года она возобновилась. *М. 2.*

О попытке покушения на тов. Сталина в октябре 1934 года и о командировке после этого Бакаева в Ленинград:

Бакаев показывает, что в октябре 1934 года под руководством Каменева, Евдокимова и его, Бакаева, готовилось в Москве покушение на Сталина, в котором Бакаев сам принимал непосредственное участие. Покушение не удалось. После этого неудавшегося покушения Бакаев пришел к Каменеву и сообщил ему об этом.

«Каменев, — продолжает свое показание Бакаев, — заявил: жаль, но будем надеяться, что в следующий раз будет удачнее. Тут же он обратился к Евдокимову с вопросом о том, как обстоит дела в Ленинграде. Евдокимов ответил, что в Ленинграде нужно было бы проверить положение дела и что следовало бы послать туда Бакаева. Каменев подтвердил — да, непременно нужно поехать Бакаеву. Я согласился. Перед отъездом я спросил Евдокимова, к кому я там должен явиться и с кем разговаривать. Евдокимов ответил, что нужно явиться к Левину. Я указал, что не знаю адреса Левина, так как много лет не видел его. Евдокимов обещал устроить, чтобы меня на вокзале встретил Левин или Мандельштам. Я поехал, и действительно на вокзале меня встретил Левин, который заявил: что же, Григорий Евсеевич (Зиновьев) не верит ни Герлигу, ни Буклину, ни даже самому Евдокимову, а посылает сюда проверять наши настроения и нашу работу — ну что ж, мы люди не гордые... Я попросил созвать ребят. Через некоторое время в квартире Левина, кроме его самого и Мандельштама, были Сосицкий, Владимир Румянцев, Котлынов и Мясников. Котлынов сказал, что он установил регулярное наблюдение за Кировым, что Киров настолько обложен, что убить его не представляет труда. Я попросил познакомить меня с кем-либо из лиц, намеченных для исполнения терактов. Левин просил Котлынова пригласить Николаева Леонида. Я знал, что Николаев Леонид состоит в ленинградской организации. Левин сказал, что Николаев — это старый комсомолец, которого много лет знает Евдокимов и которого Евдокимов рекомендовал с самой лучшей стороны и как абсолютно надежного человека. Николаев произвел на меня впечатление решительного и убежденного террориста. Он сказал, что ему удалось точно установить время поездов Кирова из квартиры в Смольный, что он может убить Кирова или около Смольного или в Смольном, что он старается попасть на прием к Кирову, чтобы во время приема стрелять в Кирова, но его не пускали. Николаев сообщил дальше, что наблюдение за Кировым он ведет вместе с двумя другими террористами». *М. 3.*

Давая показания, Бакаев...

Бакаев о своем свидании с Николаевым в Ленинграде:

Зиновьевым, Румянцевым и другими?
Бакаев: Да.
Вышинский: Более того, вы виделись с Николаевым, инструктировали его об убийстве, убедились, что Николаев — человек решительный и сможет выполнить данное поручение?

Бакаев: Да.
Однако при дальнейшем допросе Бакаев снова пытается преуменьшить свою роль, считая, что он был только «соорганизатором» в подготовке злодейского убийства тов. С. М. Кирова.

Вышинский: Вы даёте сигналы, проверяете время, вы проверяете все, что делается по вашему сигналу, производите акт — это не называется быть организатором преступления?

Бакаев: Да, это называется быть организатором преступления.

Вышинский: Поэтому мы правильно говорим, что вы были организатором убийства тов. Кирова?

Бакаев: Ну да, но только не я один.

Вышинский: Вы были не один, Евдокимов был с вами. Обвиняемый Зиновьев и вы были организатором убийства тов. Кирова?

Зиновьев: По-моему, Бакаев прав, когда он говорит, что действительными и главными виновниками злодейского убийства Кирова явились в первую очередь я — Зиновьев, Троцкий и Каменев, организовав объединенный террористический центр. Бакаев играл в нем крупную, но отнюдь не решающую роль.

Вышинский: Решающая роль принадлежала вам, Троцкому и Каменеву. Обвиняемый Каменев, присоединяетесь ли вы к заявлению Зиновьева, что главными организаторами были вы, Троцкий и Зиновьев, а Бакаев играл роль практического организатора?

Каменев: Да.

ДОПРОС ПИКЕЛЯ.

Пикель о Зиновьеве, как о мастере игры на самолюбии:

Одновременно подсудимый Пикель дает яркую характеристику главным руководителям террористической деятельности, в том числе и Зиновьеву, которые были мастерами игры на самолюбии, на особенностях характера каждого из сообщников. Разжигать ярость, разжигать ненависть, доводить единомышленников до высшей точки кипения — это, по заявлению Пикеля, было единственным мастерством, которым владели главарь контрреволюционного троцкистско-зиновьевского террористического блока.

Пикель о самоубийстве Богдана:

Пикель дополняет показания Бакаева и отмечает, что осенью 1933 года Богданом была произведена новая попытка покушения на товарища Сталина. В связи с этим Пикель рисует гнусную атмосферу, существовавшую в террористическом центре, члены которого не стеснялись применять самые низкие средства для заматания следов своей преступной деятельности.

Пикель признает, что самоубийство Богдана является, в сущности, убийством по решению террористического центра. В этом преступлении особенно активную роль играл Бакаев. Бакаев провел с Богданом накануне его самоубийства целую ночь, при чем Бакаев убеждал Богдана или осуществить покушение на Сталина, или покончить с собой. Богдан покончил с собой, при чем, как ему было предложено, оставил записку, изображая себя жертвой партийной чистки.

Пикель о двурушнических методах з.-т. (о своей творческой командировке на Шпицберген):

Далее Пикель рассказывает о подготовке террористического акта против товарища Сталина в 1934 году. Участие Пикеля здесь заключалось в том, что он связал Бакаева с Радиным, который был Пикелем подготовлен для выполнения этого террористического акта.

Еще один характернейший штрих, указывающий на то, как старались замести следы и спасти свою террористическую организацию троцкисты и зиновьевцы. Пикель признает, что для предотвращения провала организации ему было предложено в 1934 году временно уехать в отдаленное место. Тогда Пикель, будучи членом Союза советских писателей, легко получил творческую командировку... на Шпицберген.

Однако, вернувшись с Шпицбергена, Пикель не прекратил террористической работы. Как признает обвиняемый, он вскоре после приезда встретился с Дрейпером и возобновил свою террористическую деятельность. Дрейпер сообщил ему, что готовятся покушения на Кагановича, Ворошилова и других руководителей партии и правительства.

ДОПРОС КАМЕНЕВА.

Как был организован заговор и почему зиновьевцы и троцкисты перешли к террору:

«Террористический заговор, — показывает Каменев, — был организован и руководим мною, Зиновьевым и Троцким. Я пришел к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа в стране социализма, что эта политика признана трудящимися массами. Ставка наша на возможность раскола в партийном руководстве также оказалась битой. Мы рассчитывали на правую группу Рыкова, Бухарина, Томского. Устранение этой группы от руководства и дискредитация ее перед трудящимися выбили из наших рук и этот козырь. Рассчитывать на какие-либо серьезные внутренние трудности для свержения руководства, которое провело страну через труднейшие этапы, через индустриализацию и коллективизацию, не приходилось. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы, без знамени, т. е. путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь. Мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жадной власти, к которой некогда были близки и от которой отброшены ходом исторического развития».

(Скопировано с протокола судебного заседания Военной Коллегии Верховного суда СССР №... стр...).

Каменев рассказывает о том, как зиновьевцы вступили в блок с троцкистами:

«... как зиновьевцы вступили в блок с троцкистами на предмет организации террористической борьбы против партии и советского государства.

«Мы вели переговоры о блоке со Смирновым, Мрачковским, Тер-Ваганяном не как с творцами самостоятельных политических директив. Они представляли для нас ценность как люди, точно воспроизводящие директиву Троцкого. Зная Смирнова и Мрачковского как активных троцкистов, зная о поездке Смирнова за границу и о том, что он там связался с Троцким, мы были абсолютно уверены, что директива о терроре, передаваемая Смирновым и Мрачковским и ими защищаемая, есть точная директива Троцкого. На основании этого и при совпадении директив Троцкого о терроре с нашими настроениями мы и заключили то, что здесь называется «блоком», и то, что следует назвать узким террористическим заговором. Этот заговор сложился в 1932 году как организационное объединение, которое не имело никакой платформы и которое поставило себе целью захват власти путем террористической дезорганизации правительства, путем устранения и убийства Сталина, как руководителя партии и страны, и его ближайших соратников».

Каменев рассказывает о практической деятельности контр-революционных террористов:

Далее Каменев показывает сцену о практической деятельности контрреволюционных террористов.

«Летом 1932 года в Ильинском у нас на даче состоялось совещание нашего зиновьевского центра. Присутствовали я, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Буклин, Каменев. На этом совещании Зиновьев сообщил, что объединение с троцкистами, получившими личную директиву Троцкого о проведении террористических актов, — совершившийся факт. Здесь же Бакаеву было поручено провести террористический акт в Москве, а Кареву — в Ленинграде. Высылка меня и Зиновьева несколько задержала осуществление наших террористических планов. Когда мы вернулись в Москву, мы ничего не пересматривали в основах блока. Наоборот, мы приступили к форсированию террористического заговора. Это форсирование было вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, срывом двуручнической политики Зиновьева, выведенного из редакции «Большевика», что вызвало наши опасения, не проникли ли в руководство партии сведения о нашей связи с Троцким. На форсировании террора энергично настаивали, во-вторых, троцкисты, получившие соответствующую директиву Троцкого. Организационно это получило выражение в том, что было принято решение ускорить убийство Сталина и убийство Кирова».

«В июне 1934 года, — показывает подсудимый Каменев, — я лично ездил в Ленинград, где поручил активному зиновьевцу Яковлеву подготовить параллельно с группой Николаева — Котлынова покушение на Кирова. В начале ноября 1934 года мне из доклада Бакаева были известны все детали подготовки убийства Кирова николаевской группой».

Вышинский: Убийство Кирова это дело непосредственно ваших рук?

Каменев: Да.

О составе террористического троцкистско-зиновьевского центра Каменев дает следующие показания:

«Центр заговора состоял из следующих лиц: со стороны зиновьевцев — из меня, Зиновьева, Евдокимова, Бакаева и Буклина; со стороны троцкистов — Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна. В числе руководителей заговора можно назвать еще одно лицо, которое фактически принадлежало к руководителям, но в виду особых расчетов наших, которые с этим лицом были связаны, не было привлечено к практическим мероприятиям. Я говорю о Сокольникове».

Вышинский: Какой был членом центра, но строго заискусствованным?

№3.

Каменев о запасном центре:

Каменев: Да.

«Зная, что мы можем провалиться, — говорит далее Каменев, — мы наметили узенькую группу, которая бы продолжала террористическую деятельность. Нами для этой цели был намечен Сокольников. Нам казалось, что со стороны троцкистов эту роль могут с успехом выполнить Серебряков и Радек. На соответствующий наш вопрос Мрачковский ответил: — из Серебряков и Радек, по нашему мнению, могут сыграть роль замены, если бы наша руководящая группа даче чаяния провалилась».

Каменев рассказывает, что зиновьевцы вели переговоры, устанавливали контакт и с другими контрреволюционными группами.

и 4

2 20/8/34
Дел III/40-41

Каменев о переговорах с Ломинадзе и Шацкиным:

— В 1932 году я лично вел переговоры с группой так называемых «леваков» группой Ломинадзе — Шацкого. В этой группе я нашел врагов партийного руководства, абсолютно подготовленных к тому, чтобы перейти к самым решительным методам борьбы с ним.

Каменев о переговорах с Шляпниковым и Медведевым:

В то же время и я и Зиновьев имели постоянную связь также с группой бывшей «рабочей оппозиции» — Шляпникова и Медведева. В (6)

Каменев о переговорах с правыми:

1932—33—
Томским и Бухариным, осведомляясь об их политических настроениях. Они нам сочувствовали. Когда я спросил у Томского, каково настроение у Рыкова, он ответил: «Рыков думает так же, как я». На вопрос, что же думает Бухарин, он сказал: «Бухарин думает то же, что я, но проводит несколько иную тактику — будучи не согласен с линией партии, он ведет тактику успешного внедрения в партию и завоевания личного доверия руководства».

Каменев о двурушнических методах, которые они применяли:

Каменев
— измена

При допросе подсудимого Каменева суд подробно останавливается на двурушничестве, которое заговорщики, наряду с террором, пустили в ход в борьбе против партии.
Вышинский: Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 г. и в которых выражали преданность партии. Обман?
Каменев: Нет, хуже обмана.
Вышинский: Вероломство?
Каменев: Хуже.
Вышинский: Хуже обмана, хуже вероломства — найдите это слово. Измена?
Каменев: Вы его нашли.
Вышинский: Подсудимый Зиновьев, вы это подтверждаете?
Зиновьев: Да.
Вышинский: Измена, вероломство, двурушничество?
Зиновьев: Да.

Каменев о платформе зиновьевцев и троцкистов:

Говоря далее о мотивах своего поведения, подсудимый Каменев заявляет:
«Я могу признать только одно, что, поставив перед собой чудовищно-преступную цель — дезорганизовать правительство социалистической страны, мы употребили методы борьбы, которые, по нашему мнению, соответствовали этой цели и которые так же низки и подлы, как и сама цель, которую мы перед собой поставили».
В дальнейшем ходе допроса подсудимый Каменев еще более ясно и определенно говорит о том, что руководило деятельностью зиновьевцев.
Вышинский: Следовательно, вашей борьбой против руководства партии и правительства руководили мотивы лично-

го, низменного порядка — жажда личной власти?
Каменев: Да, жажда власти нашей группы.
Вышинский: Не находите ли вы, что это ничего общего не имеет с общественными идеалами?
Каменев: Оно имеет то общее, что имеет революция и контрреволюция.
Вышинский: Значит вы на стороне контрреволюции?
Каменев: Да.
Вышинский: Следовательно, вы отчетливо себе представляете, что ведете борьбу против социализма?
Каменев: Мы отчетливо представляем, что ведем борьбу против руководства партии и правительства, которые ведут страну к социализму.
Вышинский: Тем самым вы и против социализма?
Каменев: Вы делаете вывод историка и обвинителя.

ДОПРОС ЯКОВЛЕВА.

Яковлев рассказывает о террористической деятельности, которую проводил Каменев:

вым, по той террористической деятельности, которую проводил Каменев.

Яковлев показывает, что работавший вместе с ним в контрреволюционной группе в Академии наук Барев сообщил ему следующее: в 1932 году осенью зиновьевцы организовали блок с троцкистами; создан объединенный троцкистско-зиновьевский центр; основным методом борьбы с партией и советской властью этим центром признан террор, который решено направить против руководителей партии и правительства и в первую очередь против Сталина и Кирова.

«Это же мне подтвердил, — продолжает Яковлев, — лично Каменев в 1934 году. При этом Каменев поручил мне организовать террористическую группу в Академии наук. Я это поручение принял. Тогда же Каменев сообщил мне, что задания по подготовке террористических актов даны и другим группам. В Москве ведется работа

по покушению на Сталина, а в Ленинграде предполагается совершить террористический акт над Кировым, и это задание дано группе Румянцева—Котлынова».

ДОПРОС ЗИНОВЬЕВА.

Зиновьев об истории восстановления об"единенного троцкистско-зиновьевского центра в 1932 году:

Зиновьев начинает свои показания с истории восстановления об"единенного троцкистско-зиновьевского центра в 1932 году. Зиновьев подчеркивает, что никакого расхождения между троцкистами и зиновьевцами по существу никогда не было.

«Расхождения наши с Троцким после XV съезда, — говорит Зиновьев, — когда Троцкий употреблял по моему адресу и адресу Каменева слово «измена», на самом деле были маленьким зигзагом, размолвкой. Никакой измены Троцкому мы в то время не совершали, а совершили еще одну измену большевистской партии, к которой мы принадлежали».

Но именно в этот момент, — продолжает Зиновьев, — мы переходили уже целиком на почву двурушничества, которое началось и раньше, которое было и в 1926 и в 1927 гг. Но в 1928 году, после XV съезда ВКП(б), мы уже ни одного шага не можем сделать, ни одного слова не можем сказать без той или другой измены партии, без того или иного применения двурушничества. «С 1928 по 1932 год ни на один момент, — говорит Зиновьев, — действительной разницы между нами и троцкистами не было. И поэтому мы совершенно закономерно пришли к терроризму».

Зиновьев о ставке на трудности и об использовании разных к.-р. группировок:

Мы брали ставку на рост трудностей, надеялись на то, что они вырастут в такой мере, когда мы, и правые, и троцкисты, и примыкающие к ним более мелкие группы смогут выступить открыто. Мечтали выступить единым фронтом. Мы тогда считали, что больше всего шансов у правых, что их прогнозы больше всего оправдаются, что их имена будут иметь особенно притягательное значение. В этот момент мы старались особенно подчеркнуть близость с ними».

«В это же время, — продолжает Зиновьев, — отдельные подпольные группы как правого, так и так называемого левого направления, искали связей со мной и Каменевым. Обращения шли от остатков «рабочей оппозиции»: Шляпникова, Медведева. Обращения шли от групп так называемых «леваков». Это — Ломинадзе, Шацкий, Стэн и другие. Обращения шли также от так называемых «индивидуалов». К числу их относился Смит и, до известной степени, Сокольников».

«Во второй половине 1932 года, — говорит Зиновьев, — мы поняли, что наша ставка на рост трудностей в стране бита. Мы начали понимать, что партия и ее ЦК преодолеть эти трудности. Но и в первую и во вторую половину 1932 года мы пылали ненавистью к Центральному Коми-

2

тету партии и к Сталину».

«Мы были уверены в том, — говорит Зиновьев, — что руководство должно быть во что бы то ни стало сменено, что оно должно быть сменено нами вместе с Троцким. В этой обстановке происходят мои свидания со Смирновым, который меня здесь обвинил в том, что я часто говорю неправду. Да, я часто говорил неправду. Я говорил ее с того момента, когда стал на путь борьбы с большевистской партией. Поскольку и

Смирнов встал на путь борьбы с партией, он также говорит неправду. Но разница между мною и ним, по моему мнению, заключается в том, что я решил твердо и до конца в эту последнюю минуту сказать всю правду, между тем как он принял, по моему мнению, другое решение».

Вышинский: А сейчас вы всю правду говорите?

Зиновьев: Сейчас я говорю всю правду до конца.

Вышинский: Вспомните, что 15—16 января 1935 года на заседании Военной коллегии Верховного суда вы также утверждали, что вы говорите всю правду.

Зиновьев: Да, 15—16 января я не сказал всей правды.

Вышинский: Не сказали, но уверяли, что говорите правду.

Зиновьев об объединении с троцкистами на базе террора:

Зиновьев, продолжая свои показания, рассказывает, что во время разговоров со Смирновым в 1931 году он договаривался с ним об объединении троцкистов и зиновьевцев на базе террора и что это делалось по директиве Троцкого. «И. Н. Смирнов, — говорит Зиновьев, — целиком и полностью разделял эту директиву и горячо и убедительно ее проводил. Мы очень много говорили со Смирновым о подборе людей для террористической деятельности, а также намечали лиц, против которых должно быть направлено террористическое оружие. В первую очередь называлось имя Сталина, затем Кирова, Ворошилова и других руководителей партии и правительства. Для осуществления этих планов был создан троцкистско-зиновьевский террористический центр, в котором руководящую роль играл я — Зиновьев, и от троцкистов — Смирнов».

Вышинский: Значит, можно сделать в итоге ваших показаний такой вывод, что в организации троцкистско-зиновьев-

ского террористического блока и центра решающую роль сыграли, с одной стороны, вы, — как руководитель зиновьевцев, и, с другой стороны, — Троцкий — через своих представителей?

Зиновьев: Правильно.

Вышинский: Главным представителем и даже заместителем Троцкого в СССР в этот период являлся И. Н. Смирнов?

Зиновьев: Правильно.

Вышинский: Было ли признание необходимости террора решающим условием объединения троцкистов и зиновьевцев?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Были ли вами и Смирновым установлены лица, против которых террор должен был быть направлен в первую очередь? Правильно ли, что этими лицами являлись товарищ Сталин, товарищ Киров, товарищ Ворошилов?

Зиновьев: В центре стоял этот вопрос. 3

Зиновьев о практических шагах в направлении убийства руководителей партии и правительства:

В дальнейших своих показаниях Зиновьев, отвечая на вопрос тов. Вышинского о практических шагах в направлении подготовки убийства руководителей партии и правительства, рассказывает, что осенью

1932 года состоялось совещание в Ильинском, на котором участвовали Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Карев. На этом совещании практическое руководство террористическими делами было поручено Бакаеву.

«Когда мы уехали с Каменевым, после провала рюгинского дела, в ссылку, — продолжает Зиновьев, — мы оставили в качестве руководителей террористической деятельности Евдокимова, Бакаева и Смирно-

ва. При этом особые надежды мы возлагали на Смирнова». «К этому же времени, — говорит Зиновьев, — относятся мои переговоры с Томским, которому я рассказал о нашем блоке с троцкистами. Томский выразил полную с нами солидарность. После возвращения из ссылки наши первые шаги были направлены на то, чтобы ликвидировать, если можно так выразиться, наш террористический провал, провал заговорщиков, восстановить к себе доверие для того, чтобы потом можно было продолжать террористическую деятельность. Мы продолжали тактику, состоящую из сочетания из комбинирования все более и более утонченного коварного двурушничества с подготовкой заговора».

Зиновьев о своем некрологе по поводу смерти т. Кирова:

«После убийства Сергея Мироновича Кирова, — говорит Зиновьев, — наше коварство дошло до того, что я послал в «Правду» некролог о Кирове. Этот некролог не был напечатан. Насколько я помню, Каменев и, кажется, Евдокимов также писали некрологи о Кирове. Каменев во всяком случае знал, что я свой некролог пошлю».

Вышинский: Значит, вы это сделали по предварительному соглашению?

Зиновьев: Насколько я помню, я Каменеву говорил, что посылаю некролог. Он, кажется, сказал, что либо пошлет самостоятельный, либо от их учреждения будет коллективный некролог и он его подпишет.

Вышинский: Вы не припоминаете этого, обвиняемый Каменев?

Каменев: Я этого не помню. И о том, что Зиновьев собирался послать некролог, я не знал. Я знал о том, что Зи-

новьев, после событий 1 декабря и после ареста Бакаева и Евдокимова, пришел ко мне с проектом своего письма к генеральному комиссару государственной безопасности Ягоде, в котором заявлял, что он обеспокоен этим арестом и просит его вызвать для того, чтобы установить, что он (Зиновьев) ничего общего с этим убийством не имеет.

Вышинский: Было это так, обвиняемый Зиновьев?

Зиновьев: Да, было.

Каменев: Потом я говорил: этого делать не надо, так как считал, что после того, что было нами сделано, — необходимо соблюсти немножко хладнокровия.

Вышинский: Вам удалось сохранить хладнокровие?

Каменев: Да, такой записки я не писал.

Зиновьев о командировке Бакаева в Ленинград:

После этого Зиновьев рассказывает о том, что в 1934 году он послал Бакаева в Ленинград для проверки готовности проводимой там работы по совершению убийства Кирова. «И, — говорит Зиновьев, — послал в Ленинград Бакаева, как человека, который пользовался нашим доверием, который прекрасно знал личный состав террористов, чтобы он проверил людей, обстановку, степень готовности и т. д. Бакаев, вернувшись из Ленинграда, сообщил, что все в порядке».

Вышинский: Вы были уверены в том, что все благополучно?

Зиновьев: Я считал, что вся работа сле-

лана.

Вышинский: Вы торопили, вы форсировали убийство Кирова? Были такие моменты, когда вы выражали недовольство некоторой медлительностью ваших террористов?

Зиновьев: Да, некоторое недовольство я выражал.

Вышинский: Можно сказать, что вы не только были организатором и вдохновителем убийства Кирова, но и организатором более форсированного осуществления этого события?

Зиновьев: Был момент, когда я старался ускорить.

Зиновьев о приезде М. Лурье от Троцкого:

В дальнейших своих показаниях Зиновьев говорит о своих встречах с М. Лурье (Эмель), который привез от Троцкого террористические директивы. «Я знал,—говорит Зиновьев,—что М. Лурье трокист и не только трокист, но даже, когда он говорил, в нем прорывался язык фашиста».

Вышинский: В чем проявился его фашизм?

Зиновьев: Фашистское случилось к тому, что он говорил: в такой обстановке, как сейчас, мы должны идти на использование всяких средств.

М. Лурье показывает, что Зиновьев знал о связи с ГЕСТАПО:

На вопрос тов. Вышинского, обращенный к М. Лурье, выясняется, что Зиновьев встречался с М. Лурье после его приезда из Берлина три раза. При этом во время встречи М. Лурье с Зиновьевым на квартире у последнего имел место откровенный разговор между ним и Зиновьевым. Разговор шел о террористических директивах Троцкого, полученных М. Лурье в Берлине через Рут-Финшер и Маслова и переданных затем М. Лурье Зиновьеву через Герпберга.

— Я,—говорит М. Лурье,—спросил Зиновьева, в курсе ли он дела Натана Лурье. Зиновьев ответил положительно. Далее он говорил Зиновьеву, что Натан Лурье связан с неким Францем Вайцем. На вопрос Зиновьева, кто такой Франц Вайц, М. Лурье сообщил, что Франц Вайц являет-

ся особо доверенным лицом Гимлера, теперешнего руководителя Гестапо. Я его вновь спросил: вы в курсе дела об этой группе? Зиновьев ответил утвердительно. На мой недоуменный вопрос о допустимости для марксистов применять индивидуальный террор и поддерживать связь с фашистскими группами последовал ответ: «Вы же историк, Моисей Ильич», и Зиновьев провел параллель с Бисмарком и Лассалем, прибавив: «Почему мы не можем использовать, теперь Гимлера?»

После ответов Лурье Зиновьев пытается приписать произнесенную им фразу о Лассале и Бисмарке самому Лурье. Однако он не может отрицать того факта, что Лурье действительно был у него на квартире и имел с ним разговор о терроре.

Зиновьев о подготовке покушения на жизнь тов. Сталина:

Затем Зиновьев, отвечая на вопрос председателя тов. Ульриха об участии его—Зиновьева—в подготовке террористического акта против товарища Сталина, говорит, что он участвовал в этом деле и ему известны две попытки покушения на жизнь товарища Сталина, в которых принимали участие Рейнгольд, Дрейцер и Пивель. Зи-

новьев подтверждает также, что он рекомендовал руководителю террористических групп Бакаеву своего личного секретаря Богдана, как исполнителя убийства товарища Сталина.

ДОПРОС САФОНОВОЙ.

Сафонова сообщает об установках Троцкого, полученных через И. Н. Смирнова:

Суд переходит к допросу вызванной по ходатайству прокурора свидетеля Сафоновой.

Сафонова показывает, что она являлась членом троцкистского центра и принимала активное участие в работе этого центра. Далее она говорит, что И. Н. Смирнов информировал в 1931 году центр троцкистской организации в лице Тер-Ваганяна, Мрачковского и ее — Сафоновой — о полученной им в Берлине через Седова установке на переход к террористическим методам борьбы. И. Н. Смирнов, передавая эту установку, подчеркнул, что она исходит от Троцкого. «На этом же совещании, — показывает далее Сафонова, — нам было сообщено Смирновым, что центром принято решение о переходе к террору и о совершении в первую очередь террористического акта над Сталиным. В 1932 году Смирновым была получена директива Троцкого, которую привез Гавен. Эта директива явилась прямым подтверждением ранее полученной Смирновым через Седова директивы Троцкого о терроре. Об этой директиве нас также информировал И. Н. Смирнов. Эта директива явилась не только подтверждением указаний, переданных через Седова, но она одновременно явилась и указанием на необходимость форсировать террористический акт против Сталина».

Сафонова приводит еще один факт, характеризующий отношение И. Н. Смирнова к террору: «Однажды, — рассказывает она, — Мрачковский, вернувшись с приема у Сталина, рассказывал нам о своей беседе со Сталиным. При этом присутствовали я и И. Н. Смирнов. Мрачковский, рассказывая нам о беседе со Сталиным, увязывал ее с перспективами нашей дальнейшей борьбы и заявил, что единственный выход — это убить Сталина. И. Н. Смирнов активно поддерживал этот вывод Мрачковского».

10.

«Перед моим отъездом в декабре 1932 года на строительство Амуро-Байкальской дороги, — продолжает свои показания Сафонова, — я имела беседу со Смирновым о дальнейшей работе организации в связи с принятым решением о терроре. И. Н. Смирнов в категорической форме подтвердил мне, что Сталина надо убить, что Сталин будет убит».

Смирнов пытается отрицать, что он передавал Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Сафоновой директиву Троцкого о переходе к террору. Смирнов также пытается отрицать, что после возвращения Мрачковского с беседы у Сталина он говорил о необходимости убить Сталина. Однако из вопросов тов. Вышинского к Тер-Ваганяну, Сафоновой и Мрачковскому устанавливается, что эти факты действительно имели место.

ДОПРОС СМИРНОВА.

Смирнов о директивах Троцкого:

"Правда" от 22 августа 1936г.

Вышинский: Можно считать установленным, что в 1932 году вы получили новую директиву от Троцкого через Гавена?

Смирнов: Да.

Вышинский: Эта директива содержала прямое указание о необходимости перехода на путь террористической борьбы против руководства партии?

Смирнов: Совершенно верно.

Вышинский: В первую очередь против кого?

Смирнов: Там имена не были указаны.

Вышинский: Но вы поняли, что террористическая борьба прежде всего должна быть начата с товарища Сталина?

Смирнов: Да, я так понял.

Вышинский: Так и передали своим товарищам?

Смирнов: Да.

41.

Смирнов о связи с Гестапо:

Вышинский: Что же вы признаете?

Смирнов: Я признаю, что участвовал в подпольной троцкистской организации, вошел в блок, вошел в центр этого блока, что я виделся с Селовым в Берлине в 1931 г., выслушал его мнение о терроре, которое передал затем в Москву. Признаю, что от Гавена я получил директиву Троцкого о терроре и передал ее, не будучи с ней согласен, через Тер-Ваганяна зиновьевцам.

Вышинский: И, не будучи согласен, оставались членом блока и в блоке работали?

Смирнов: Формально из блока я не вышел, фактически не работал.

Вышинский: Значит, когда вы передавали директиву, вы не вели работы?

Смирнов (молчит).

Вышинский: Как по-вашему, когда организатор передает директиву — это работа?

Смирнов: Конечно.

Вышинский: Вы были участником блока?

Смирнов: Да.

Вышинский: И признаете, что блок стоял на позиции террора?

Смирнов: Да.

Вышинский: Вы признаете также, что он стоял на этих позициях в связи с получением директивы от Троцкого?

2.

Смирнов: Да.

Вышинский: И эту директиву получили вы?

Смирнов: Да.

Вышинский: Следовательно, вы поставили блок на позицию террора?

Смирнов: Я передал директиву о терроре.

Вышинский: Если вы подтверждаете, что блок после получения директивы Троцкого стоял на позиции террора, то надо сказать, что блок стал на позицию террора после директивы, которую вы получили от Троцкого и передали членам блока.

Смирнов: Я получил эту директиву, сообщил ее троцкистам и зиновьевцам, они создали центр. Я, не будучи согласен, формально не выходил из блока, но фактически не был членом блока.

Вышинский: Тер-Ваганян, вышел Смирнов из блока?

Тер-Ваганян: Нет.

Вышинский: Мрачковский, вышел Смирнов из блока?

Мрачковский: Нет.

Вышинский: Дрейпер, вам известно, что Смирнов вышел из блока?

Дрейпер: Если поручение организовывать террористические группы есть выход из блока, тогда да.

Вышинский: Евдокимов, вы слышали о том, что Смирнов вышел из блока?

Евдокимов: Нет, как раз наоборот, он оставался членом центра и активно в нем работал.

Вышинский: Разделял террористические взгляды?

Евдокимов: Да, разделял.

Вышинский: Обвиняемый Каменев, что вам известно об уходе Смирнова из блока?

Каменев: Я подтверждаю, что Смирнов все время состоял в блоке.

Вышинский: Обвиняемый Смирнов, круг сомкнулся.

ДОПРОС ОЛЬБЕРГА.

Ольберг о его встречах с Седовым:

Ольберг: С мая 1931 года до конца 1932 года мы встречались почти ежедневно, а иногда два раза в неделю. Встречались мы в кафе на Ниренбергплац, либо я бывал у него на квартире.

Ольберг переходит к изложению событий, предшествовавших его первой поездке в Советский Союз.

Ольберг: Впервые о моей поездке Селов заговорил со мной после обращения Троцкого, связанного с лишением Троцкого гражданства СССР. В этом обращении Троцкий развивал мысль о необходимости убить Сталина. Мысль эта была выражена следующими словами: «Необходимо убрать Сталина».

Селов, показав мне написанный на пишущей машинке текст этого обращения, заявил: «Ну вот, теперь вы видите, яснее сказать нельзя. Это дипломатическая формулировка». При этом Селов заявил, что необходимо послать в Советский Союз ряд людей. Тогда же Селов сделал мне предложение отправиться в СССР. Он знал, что

я говорю по-русски, и был уверен, что я смогу там закрепиться.

Возникла трудность с паспортом. Я не имел определенного подданства и уже по одному этому не мог получить никакой визы. Вскоре, однако, мне удалось уладить это, и с получением паспорта на имя Фрейлигмана я выехал в СССР.

Еще до моего отъезда в Советский Союз я собирался вместе с Седовым поехать в Копенгаген к Троцкому. Наша поездка не удалась, в Копенгаген отправилась жена Седова Сюзанна и, вернувшись оттуда, привезла письмо Троцкого, адресованное Седову, в котором Троцкий соглашался с моей поездкой в СССР и высказывал надежду, что мне удастся осуществить возложенную на меня миссию. Это письмо показал мне Селов.

Ольберг о связи с Гестапо:

Вышинский: Что вы знаете о Фридмане?

Ольберг: Фридман был одним из членов берлинской троцкистской организации, который также был отправлен в Советский Союз.

Вышинский: Известно ли вам, что Фридман был связан с германской полицией?

Ольберг: Я слышал об этом.

Вышинский: Связь германских троцкистов с германской полицией — это была система?

Ольберг: Да, это была система и это было сделано с согласия Троцкого.

Вышинский: Откуда вам известно, что это было с ведома и согласия Троцкого?

Ольберг: Одна из этих линий связи была лично моя. Моя связь была организована с санкциями Троцкого.

Вышинский: Ваша личная связь с кем?

Ольберг: С фашистской тайной полицией.

Вышинский: Значит, можно сказать, что вы сами признаете связь с Гестапо?

Ольберг: Я этого не отрицаю. В 1933 году началась организованная система связи немецких троцкистов с немецкой фашистской полицией.

Ольберг получает паспорт через агента Гестапо в Праге:

Тем временем Ольбергу самому удалось получить паспорт в Праге. Там проживал его младший брат Павел Ольберг, связанный с агентом германской тайной полиции в Праге Тукалевским, и Павел Ольберг утешил брата, что Тукалевский может помочь ему в «этой горе».

Ольберг: После 1933 года я направился с моим младшим братом к Тукалевскому.

Вышинский: Кто такой Тукалевский?

Ольберг: Тукалевский — директор славянской библиотеки министерства иностранных дел в Праге. О том, что он агент фашистской тайной полиции, я знал от моего брата. Тукалевский был предупрежден о моем визите и заявил мне, что постарается достать для меня необходимые документы.

Затем, — продолжает Ольберг, — я написал письмо Селову в Париж, изложил предложение, сделанное агентом Гестапо, и просил сообщить, одобрит ли Л. Д. Троцкий соглашение с таким агентом. Через некоторое время я получил ответ, санкционировавший мое поведение, то есть соглашение с Тукалевским. Селов писал, что необходима величайшая конспирация и что никто из других членов троцкистской организации не должен быть информирован об этом соглашении.

Паспорт Ольберг получил через Тукалевского и через некоего Бенна от прибывавшего в то время в Прагу генерального консула республики Гондурас в Берлине — Лукас Паратес.

Ольберг: Он продал мне паспорт за 10 тысяч чехословацких крон. Эти деньги я получил от Селова.

Вышинский: Вы имели какое-нибудь отношение к республике Гондурас?

Ольберг: Нет, никогда.

Вышинский: Позвольте пред'явить: этот ли паспорт? (Командант суда пред'являет паспорт).

Ольберг: Да, этот. Он действительно был выдан настоящим консулом от имени республики Гондурас. Такая республика имеется в Центральной Америке.

Вышинский: Может быть, ваши родители имели отношение к этой республике?

Ольберг: Нет.

Вышинский: Препки?

Ольберг: Нет.

Вышинский: А вы сами откуда? (3)

Ольберг: Я рижанин.

Ольберг рассказывает о своем приезде в СССР и о связях с Гестапо:

После этого краткого диалога прокурора с подсудимым последний продолжает показания о поездке в СССР.

Ольберг: На этот раз я намеревался поехать в Советский Союз через Германию. Тукалевский заявил мне, что рекомендует встретиться в Берлине со Сломовиц. Я ее знал и раньше. Тукалевский сказал мне, что берлинские троцкисты заключили соглашение с Гестапо и что, встретившись в Берлине со Сломовиц, я смогу в случае нужды найти у нее поддержку и помощь.

В Берлине я был у Сломовиц, которая сообщила мне следующее: за время моего отсутствия остались немногочисленные троцкистские кадры и что сейчас стоит дилемма: либо троцкистам ликвидироваться, либо пойти на соглашение с немецкими фашистами. Базой для соглашения служит вопрос о подготовке и проведении террора против руководителей РКП(б)

и советского правительства. Троцкий санкционировал соглашение берлинских троцкистов с Гестапо, и троцкисты действительно были на воле.

С точки зрения берлинских троцкистов низвержение советского строя, борьба против советского правительства мыслима двумя путями: либо путем интервенции, либо путем отдельных

террористических актов. Убийство Ленина, по словам Сломовиц, показало, что террористические акты против вождей партии и правительства могут быть в Советском Союзе проводимы.

На квартире у Сломовиц я встретился с сотрудником Гестапо, с которым она меня познакомила и который сообщил, что, если понадобится помощь, они охотно помогут мне в подготовке террористических актов, в первую голову против Сталина.

Ольберг о своем пребывании в Горьком и о подготовке покушения против тов. Сталина 1 мая 1936 года:

В марте 1935 года Ольберг вторично приехал в Советский Союз. Поездка эта опять не дала никаких результатов, так как из-за туристской визы путешествие было весьма кратковременным, и через несколько дней Ольбергу пришлось вернуться обратно в Германию. Там он пробыл 3 месяца, опять получил указание от Седова сделать еще одну попытку, и в июле 1935 года Ольберг снова выехал в Советский Союз.

Пробыв короткое время в Минске, Ольберг отправился в Горький, связался с троцкистами Елиным и Федотовым, быстро получил работу в Горьковском педагогическом институте, где и оставался до дня ареста. Здесь в Горьком и выработывался план покушения на товарища Сталина.

Вышинский: После второго возвращения вы получили гондурасский паспорт?

Ольберг: Я и во второй раз приехал по гондурасскому паспорту.

Вышинский: Вы приехали по туристской визе?

Ольберг: Да, но имея гондурасский паспорт.

Вышинский: Каким же образом вам все же удалось во второй раз продлить этот паспорт?

Ольберг: Мне это удалось... Я как-то упустил из виду сообщить, что за это время переехал в Советский Союз мой брат.

Вышинский: Прорыв у вас здесь получился. В качестве кого приехал ваш брат Пауль Ольберг?

Ольберг: Каковы были задания, данные ему Тукалевским, мне не известно. Но я рекомендовал ему поехать в Советский Союз, чтобы он помог мне закрепиться.

Вышинский: Почему он должен был вам помогать в закреплении?

Ольберг: Он инженер, ему было легко устроиться. У него были настоящие документы. Во всяком случае, не такие мифические бумажки как у меня.

Вышинский: Значит, ваш брат приехал СССР по его настоящему германскому паспорту и как инженер мог легко здесь закрепиться?

Ольберг: Да.

Вышинский: Ваш брат имел какое-либо отношение к Гестапо?

Ольберг: Он был агентом Тукалевского.

Вышинский: Агентом фашистской полиции?

Ольберг: Да.

Вышинский: Когда у вас был с Седовым разговор о том, что нельзя допускать компрометации троцкистской организации?

Ольберг: Это было во вторую мою поездку. Он говорил, что если я буду арестован органами государственной безопасности СССР, то я ни в коем случае не должен говорить, что этот террористический акт выполняется по поручению Троцкого и, во всяком случае, должен стараться скрыть роль Троцкого.

Вышинский: На кого же рекомендовал он вам свалить организацию террористического акта?

Ольберг: На белогвардейцев, на Гестапо. После этой части допроса прокурор резюмирует:

Вышинский: Следовательно, можно так сказать: вы, Валентин Ольберг, будучи связаны с Троцким через его сына Седова, были по непосредственному поручению Троцкого через Седова направлены в СССР в качестве агента Троцкого для подготовки и совершения террористического акта против товарища Сталина?

Ольберг: Да.

Вышинский: Для успешности проведения этой работы вы были связаны через своего брата с германской полицией?

Ольберг: Да, это так.

Вышинский: Теперь расскажите, как вы готовили террористический акт.

Ольберг рассказывает, что еще до приезда в Горький он знал от Седова, что в СССР существует подпольная троцкистская организация, куда входят, как руководители, Смирнов и Мрачковский. Ему было также известно о Бакаеве, о котором Седов отзывался, как о человеке, настроенном «чрезвычайно террористически». В Горьком Ольберг узнал от Федотова, что боевые дружины организованы еще до его приезда. Ольбергу осталось только выработать самый план покушения.

Террористический акт должен был быть совершен 1 мая 1936 года в Москве.

Вышинский: Что помешало осуществлению этого плана?

Ольберг: Арест.

Вышинский: Вы сообщали Седову о ходе подготовки террористического акта?

Ольберг: Да, я писал несколько раз, в адрес Сломовиц. И получил от нее письмо, что наш старый друг настаивает на том, чтоб дипломная работа была сдана к 1 мая.

Вышинский: Дипломная работа—это что?

Ольберг: Это убийство Сталина.

Вышинский: А старый друг—кто?

Ольберг: Старый друг—это Троцкий.

Ольберг рассказывает о своем приезде в СССР и о связях с Гестапо:

После этого краткого диалога прокурора с подсудимым последний продолжает показания о поездке в СССР.

Ольберг: На этот раз я намеревался поехать в Советский Союз через Германию. Тукалевский заявил мне, что рекомендует встретиться в Берлине со Сломовиц. Я ее знал и раньше. Тукалевский сказал мне, что берлинские троцкисты заключили соглашение с Гестапо и что, встретившись в Берлине со Сломовиц, я смогу в случае нужды найти у нее поддержку и помощь.

В Берлине я был у Сломовиц, которая сообщила мне следующее: за время моего отсутствия остались немногочисленные троцкистские кадры и что сейчас стоит дилемма: либо троцкистам ликвидироваться, либо пойти на соглашение с немецкими фашистами. Базой для соглашения служит вопрос о подготовке и проведении террора против руководителей ВЕП(а)

ИСТИЧЕСКОГО

террористических актов. Убийство Кирова, по словам Сломовиц, показало, что террористические акты против вождя партии и правительства могут быть в Советском Союзе проводимы.

На квартире у Сломовиц я встретился с сотрудником Гестапо, с которым она меня познакомила и который сообщил, что, если понадобится помощь, они охотно помогут мне в подготовке террористических актов, в первую голову против Сталина.

Ольберг о своем пребывании в Горьком и о подготовке покушения против тов. Сталина 1 мая 1936 года:

В марте 1935 года Ольберг вторично приехал в Советский Союз. Поездка эта опять не дала никаких результатов, так как из-за туристской визы путешествие было весьма кратковременно, и через несколько дней Ольбергу пришлось вернуться обратно в Германию. Там он пробыл 3 месяца, опять получил указание от Седова сделать еще одну попытку, и в июле 1935 года Ольберг снова выехал в Советский Союз.

Пробыв короткое время в Минске, Ольберг отправился в Горький, связался с троцкистами Елиным и Федотовым, быстро получил работу в Горьковском педагогическом институте, где и оставался до дня ареста. Здесь в Горьком и выработывался план покушения на товарища Сталина.

Вышинский: После второго возвращения вы получили гондурасский паспорт?

Ольберг: Я и во второй раз приехал по гондурасскому паспорту.

Вышинский: Вы приехали по туристской визе?

Ольберг: Да, но имея гондурасский паспорт.

Вышинский: Каким же образом вам все же удалось во второй раз продлить этот паспорт?

Ольберг: Мне это удалось... Я как-то упустил из виду сообщить, что за это время переехал в Советский Союз мой брат.

Вышинский: Прорыв у вас здесь получился. В качестве кого приехал ваш брат Пауль Ольберг?

Ольберг: Каковы были задания, данные ему Тукалевским, мне не известно. Но я рекомендовал ему поехать в Советский Союз, чтобы он помог мне закрепиться.

Вышинский: Почему он должен был вам помогать в закреплении?

Ольберг: Он инженер, ему было легко устроиться. У него были настоящие документы. Во всяком случае, не такие мифические бумажки как у меня.

Вышинский: Значит, ваш брат приехал в СССР по его настоящему германскому паспорту и как инженер мог легко здесь закрепиться?

Ольберг: Да.

Вышинский: Ваш брат имел какое-либо отношение к Гестапо?

Ольберг: Он был агентом Тукалевского.

Вышинский: Агентом фашистской полиции?

Ольберг: Да.

Вышинский: Когда у вас был с Седовым разговор о том, что нельзя допускать компрометации троцкистской организации?

Ольберг: Это было во вторую мою поездку. Он говорил, что если я буду арестован органами государственной безопасности СССР, то я ни в коем случае не должен говорить, что этот террористический акт выполняется по поручению Троцкого и, во всяком случае, должен стараться скрыть роль Троцкого.

Вышинский: На кого же рекомендовал он вам свалить организацию террористического акта?

Ольберг: На белогвардейцев, на Гестапо. После этой части допроса прокурор резюмирует:

Вышинский: Следовательно, можно так сказать: вы, Валентин Ольберг, будучи связаны с Троцким через его сына Седова, были по непосредственному поручению Троцкого через Седова направлены в СССР в качестве агента Троцкого для подготовки и совершения террористического акта против товарища Сталина?

Ольберг: Да.

Вышинский: Для успешности проведения этой работы вы были связаны через своего брата с германской полицией?

Ольберг: Да, это так.

Вышинский: Теперь расскажите, как вы готовили террористический акт.

Ольберг рассказывает, что еще до приезда в Горький он знал от Седова, что в СССР существует подпольная троцкистская организация, куда входят, как руководители, Смирнов и Мрачковский. Ему было также известно о Бакаеве, о котором Седов отзывался, как о человеке, настроенном «чрезвычайно террористически». В Горьком Ольберг узнал от Федотова, что боевые дружины организованы еще до его приезда. Ольбергу осталось только выработать самый план покушения.

Террористический акт должен был быть совершен 1 мая 1936 года в Москве.

Вышинский: Что помешало осуществлению этого плана?

Ольберг: Арест.

Вышинский: Вы сообщали Седову о ходе подготовки террористического акта?

Ольберг: Да, я писал несколько раз, в адрес Сломовиц. И получил от нее письмо, что наш старый друг настаивает на том, чтоб дипломная работа была сдана в 1 мая.

Вышинский: Дипломная работа—это что?

Ольберг: Это убийство Сталина.

Вышинский: А старый друг—кто?

Ольберг: Старый друг—это Троцкий.

Берман-Юрин об установках Троцкого по вопросу, как согласовать индивидуальный террор с марксизмом:

Берман-Юрин: Вечером мы продолжали наш разговор. Я задал ему вопрос, как согласовать индивидуальный террор с марксизмом. Троцкий заявил мне на это следующее: нельзя к вопросам подходить догматически. Он сказал, что в Советском Союзе создавалась такая ситуация, которой Маркс не мог предвидеть. Троцкий сказал еще, что кроме Сталина нужно убить Кагановича и Ворошилова.

Вышинский: Какие еще затрагивал он вопросы, кроме вопросов террористического порядка?

Берман-Юрин о конкретном задании Троцкого убить т. Сталина на пленуме ИККИ, а впоследствии на конгрессе КИ и о своих неудачах:

Вышинский: На этом закончилась ваша беседа?

Берман-Юрин: У меня был разговор с Троцким еще вот о чем. После того, как я дал согласие, он сказал мне, что я должен готовиться к отъезду в Москву, при чем, так как у меня будут связи в Коминтерне, я должен подготовить террористический акт именно в связи с этим.

Вышинский: Значит, Троцкий дал вам не только общие указания, но и конкретизировал вашу задачу?

Берман-Юрин: Он заявил, что террористический акт нужно приурочить, по возможности, к какому-нибудь пленуму или конгрессу Коминтерна, чтобы выстрел в Сталина прогремел на большом собрании. Это будет иметь огромный резонанс далеко за пределами Советского Союза и вызовет массовое движение во всем мире. Это будет всемирно-историческим политическим событием. Троцкий сказал, чтобы я не связывался в Москве ни с кем из троцкистов, чтобы я вел работу самостоятельно. Я ответил, что никого не знаю в Москве и трудно представляю себе, как мне при таких обстоятельствах действовать. Я сказал, что у меня есть знакомый Фриц Давид, и спросил, нельзя ли с ним связаться? Троцкий ответил, что поручит Седову уточнить этот вопрос и даст ему на этот счет соответствующие указания.

Разговор этот происходил в конце ноября 1932 года. В Москву Берман-Юрин выехал в марте 1933 года. Перед отъездом Седов дал ему инструкцию связаться с Фриц Давидом и вместе с ним готовить террористический акт. Вскоре по прибытии в Москву Берман-Юрин встретился с Фриц Давидом, совместно они обсудили террористический план и стали к нему готовиться. Первоначально предполагалось, что покушение на товарища Сталина удастся провести на XIII пленуме ИККИ. Фрицу Давиду надо было раздобыть входной билет для Берман-Юрина, который и должен был

ма выяснилось, что билета для Берман-Юрина не удалось достать, и план провалился. Решено было отложить убийство товарища Сталина до конгресса Коминтерна.

Берман-Юрин: В сентябре 1934 года конгресс должен был быть созван. Браунинг с патронами я дал Фрицу Давиду, чтобы он его у себя спрятал. Но перед открытием конгресса Фриц Давид сообщил мне, что билета он опять достать не может, но что сам он будет на конгрессе. Мы услови-

лись, что он же и совершит террористический акт.

Через несколько дней мы встретились с Фриц Давидом и он сказал, что стрелять не мог. Он—Фриц Давид—сидел в ложе, в ложе было много народа, не было никакой возможности стрелять. Таким образом и этот наш план провалился.

В декабре Фриц Давид сообщил мне, что недавно к нему явился посланец от Седова и Троцкого и потребовал информации, почему не выполнен террористический акт. Фриц Давид информировал его подробно и получил директиву воспользоваться другим случаем, форсировать подготовку акта, воспользоваться каким-нибудь совещанием, приемом, на который я или Фриц Давид должен был проникнуть во что бы то ни стало, и там убить Сталина.

В мае 1936 г. Фриц Давид сообщил мне, что приехал и у него был опять посланец от Троцкого—немец, который говорил с ним чрезвычайно резко, обвинял нас в бездействии, в нерешительности, в отсутствии мужества и буквально требовал воспользоваться любым случаем для убийства Сталина. Надо торопиться, нельзя терять времени, говорил он.

В конце мая 1936 г. я был арестован, и моя террористическая деятельность была прервана.

В заключение допроса Берман-Юрина тов. Вышинский еще раз ставит вопросы о встречах Берман-Юрина с сыном Троцкого Седовым. Берман показывает, что он имел с ним неоднократные встречи с конца 1931 года по март 1933 г.

Вышинский: И Троцкий, и Седов ставили перед вами вопрос о терроре и агитировали вас согласиться на террористический акт?

Берман-Юрин: Совершенно верно.

Вышинский: Вы дали согласие и были направлены Троцким?

Берман-Юрин: Троцким через Седова. Допросом подсудимого Берман-Юрина вечернее заседание 20 августа заканчивается.

Берман-Юрин о пораженческих установках Троцкого:

Берман-Юрин: Троцкий говорил еще о своих взглядах на положение вещей в случае интервенции против Советского Союза. Он занимал совершенно ясную пораженческую позицию. Он еще говорил, что троцкисты должны пойти в армию, но защищать Советский Союз они не будут.

Вышинский: Он убедил вас?

Берман-Юрин: В течение беседы он нервно ходил по комнате и говорил о Сталине с исключительной ненавистью.

Вышинский: Вы дали согласие?

Берман-Юрин: Да.

ДОПРОС ГОЛЬЦМАНА.

Гольцман сообщает о своей поездке к Троцкому по указанию Смирнова и о директивах Троцкого о терроре:

Перед своим отъездом за границу Гольцман пришел на явку и встретил там Смирнова. Смирнов сказал Гольцману, что во время своего пребывания в Берлине он должен встретиться с сыном Троцкого — Седовым. Смирнов сообщил Гольцману, что он даст ему доклад, который надо передать Седову для Троцкого. Доклад, как подтверждают и Гольцман и Смирнов, надо было доставить лично Седову для передачи Троцкому. Смирнов дал Гольцману номер телефона, по которому он должен был вызвать Седова. Тут же Смирнов сообщил ему пароль, который гласил: «Я привез привет от Гали». Последующими показаниями устанавливается, что Смирнов также сообщил Гольцману шифр для переписки с Троцким, для которого использовались определенные странички книги «Тысяча и одна ночь».

По приезде в Берлин, показывает Гольцман, он созвонился с Седовым по телефону и условился о встрече, которая состоялась около Зоологического сада. Так как Гольцман и Седов друг друга не знали, они условились, что оба будут держаться в руках по одному экземпляру газет «Берлинер тагеблатт» и «Форвертс». Встретившись с Гольцманом, Седов предложил ему сесть в машину.

«Мы поехали, — продолжает свое показание Гольцман. — Я улыбки не помню. Седов завез меня на одну квартиру, где никого не было. Это было на четвертом этаже, и там я передал ему этот доклад, передал шифр... Таким образом я с ним встречался раз шесть-восемь в продолжение четырех месяцев. В ноябре я опять позвонил Седову, и мы снова встретились. Седов сказал мне: «Так как вы собираетесь ехать в СССР, то было бы хорошо, чтобы вы со мной поехали в Копенгаген, где находится мой отец».

Вышинский: То-есть?

Гольцман: То-есть Троцкий.

Вышинский: Вы поехали?

Гольцман: Я согласился. Но заявил ему, что ехать вместе нам нельзя по конспиративным соображениям. Я условился с Седовым, что через два-три дня я приеду в Копенгаген, останусь в гостинице «Бристоль», и мы там встретимся. Прямо с вокзала я пошел в гостиницу и в фойе встретился с Седовым.

Около десяти часов утра мы приехали к Троцкому. Когда мы пришли к Троцкому, он прежде всего интересовался настроениями и отношением партийных масс к Сталину. Я ему сказал, что собираюсь сегодня уехать из Копенгагена и через несколько дней еду в СССР. Тогда Троцкий в довольно возбужденном состоянии, расхаживая по комнате, сказал мне,

что он готовит письмо для Смирнова, но, в виду того, что я уезжаю и этот же день, он этого не сделает. Должен сказать, что во все время разговора с Троцким я был с ним один-на-один. Очень часто приходил и выходил из комнаты сын Троцкого Седов.

Гольцман показывает, что в дальнейшей беседе с ним Троцкий высказался за то, что «нужно убрать Сталина». По этому поводу происходит следующий диалог между государственным обвинителем и подсудимым:

Вышинский: Что значит «убрать Сталина»? Разъясните.

Гольцман: Я скажу об этом. Дальше Троцкий говорил, что если Сталин будет убит, то тем самым возможно, что троцкисты придут к власти и руководству ВКП(б). Он сказал при этом, что единственный способ убрать Сталина — это террор.

Вышинский: Троцкий прямо так и сказал?

Гольцман: Да. Для этого, как он сказал, нужно подобрать кадры ответственных и способных на это дело людей. И дальше он сказал, что это нужно передать Смирнову, не говоря об этом никому другому.

Вышинский: Только Смирнову?

Гольцман: Да. В этот момент вошел Седов и начал торопить, чтобы мы окончили разговор. На этом наш разговор был окончен и я вышел.

Вышинский: Значит, Троцкий вам прямо сказал, что основной задачей сейчас (это значит, осенью 1932 г.) является убийство товарища Сталина? Вы это твердо помните?

Гольцман: Да.

Вышинский: Значит, в этом заключалась директива Троцкого?

Гольцман: Да. Троцкий не мог ее изложить в письменном виде, а поэтому я принял в устной форме и передал ее точный смысл по приезде в Москву.

Вышинский: Это была устная директива Троцкого?

Гольцман: Да.

В дальнейшем ходе допроса Гольцман пытается увильнуть от ответственности, заявляя, что он не разделял точки зрения Троцкого на террор. Обвиняемый тут же изобличается в том, что, вернувшись в СССР, он продолжал оставаться в подпольной троцкистской организации, продолжал встречаться с троцкистами. В заключение допроса тов. Вышинский окончательно изобличает Гольцмана.

Вышинский: Мы знаем, что Смирнов через некоторое время директиву о терроре получил и без вас. Я вас обличаю в том, что вы получили эту директиву. Вы знали, что у троцкистов уже имеется установка на террор, и при этих условиях вы продолжали оставаться троцкистом?

Гольцман: Да.

Вышинский: Продолжали связь с троцкистами?

Гольцман: Да.

Вышинский: Следовательно, вы продолжали быть членом троцкистской организации?

Гольцман: Да.

ДОПРОС Н. ЛУРЬЕ.

Н. Лурье рассказывает о том, как троцкистская организация воспитывала в нем ненависть к Сталину:

Допрашивается подсудимый Натан Лурье. По специальному поручению троцкистской организации он прибыл из Берлина в СССР для совершения террористических актов. Вся его троцкистская деятельность начиная с 1927 года, была направлена на подрыв мощи советского государства.

Вышинский: С кем вы прежде всего сближались, сделавшись троцкистом?

Н. Лурье: С Моисеем Лурье.

Вышинский: Когда произошло это сближение?

Н. Лурье: В конце лета 1927 года.

Вышинский: Когда у вас возникли террористические настроения, намерения террористические планы?

Н. Лурье: Все годы, которые я провел в троцкистской организации в Германии, они сводились, в конце концов, как меня воспитывала троцкистская организация, к возбуждению ненависти к Сталину и руководству ВРП(б). В начале 1932 года Моисей Лурье мне сказал, что пора ехать в СССР и проводить там террористическую работу. Это его указание не было для меня неожиданностью. Оно логично вытекало из всей предыдущей работы. Я приехал в апреле 1932 года в СССР с заданием связаться там с троцкистами, которых я знал по Германии, и вместе с ними проводить террористическую работу.

Н. Лурье о своей связи с Константином и фашистом Ф. Вайцем:

Н. Лурье начал с установления в Москве связей с троцкистами, прежде всего, с теми, которых он знал по Германии: Константином и Липшицем.

Н. Лурье: Константу я рассказал об установке на террор, которую я получил от троцкистской организации через Моисея Лурье. Константин мне сказал, что для него это не новость. Они тоже имеют установку на террор и даже практически приступили к его осуществлению. Он мне рассказал, что у них есть террористическая группа, в которую входят Константин и Липшиц, а также один немецкий инженер, архитектор Франц Вайц.

Вышинский: Кто такой Франц Вайц?

Н. Лурье: Франц Вайц был членом национал-социалистической партии Германии, прибыл в СССР по поручению Гимлера, который в то время был начальником охранных отрядов, впоследствии Гимлер стал начальником Гестапо.

Вышинский: Франц Вайц был его представителем?

Н. Лурье: Франц Вайц приехал в СССР по поручению Гимлера для проведения террористических актов.

Вышинский: Откуда вы это узнали?

Н. Лурье: Сперва мне рассказал об этом Константин, а потом сам Франц Вайц.

То обстоятельство, что во главе террористической группы стал прямой агент немецкой политической полиции, несколько не смутило Н. Лурье и его троцкистскую компанию.

— Я пришел к заключению, — говорит Н. Лурье, — что если троцкисты перешли к методам вооруженной борьбы, то это имеет свою логику, то есть, если фашист предлагает свои услуги для террора, то этими услугами надо воспользоваться. Я продолжил связь с Франц Вайцем и работал под его практическим руководством.

Н. Лурье рассказывает о подготовке покушения против тов. Ворошилова:

В августе 1932 года Франц Вайц сообщил Н. Лурье, что имеется возможность совершить покушение на народного комиссара обороны СССР тов. Ворошилова. Террористическая группа получила задание фашистского охранника приступить к действию. В течение долгого времени группа Н. Лурье готовила покушение на тов. Ворошилова.

Председатель суда: Когда вы готовили покушение на тов. Ворошилова—вы длительное время занимались наблюдением за выездами тов. Ворошилова, за его машиной? Сколько времени вы посвящали подготовке покушения на тов. Ворошилова?

Н. Лурье: Мы этим занимались с сентября 1932 г. до весны 1933 г.

Председатель суда: Судя по вашим показаниям, вы неоднократно выходили на улицу Фрунзе и на другие прилегающие улицы, будучи вооружены револьверами?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Вся ваша тройка была вооружена?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Так что вы совершили бы террористический акт, если бы благоприятный момент представился? Почему же это вам не удалось?

Н. Лурье: Мы видели машину Ворошилова, когда она проезжала по улице Фрунзе. Проезжала она слишком быстро. Стрелять по быстро идущей машине безнадежно; мы решили, что это не имеет смысла.

Председатель суда: Вам удавалось видеть машину тов. Ворошилова?

Н. Лурье: Я ее видел и второй член группы — Павел Лишип.

Председатель суда: Вы прекратили дальнейшие наблюдения за машиной тов. Ворошилова?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: По каким соображениям?

Н. Лурье: Потому что мы убедились, что стрелять из револьвера не имеет смысла.

Председатель суда: На что вы переключили ваше внимание после этого?

Н. Лурье: На приобретение взрывчатых веществ.

Председатель суда: Какого характера террористический акт вы имели в виду совершить?

Н. Лурье: Террористический акт — бомбой.

Председатель суда: Вы сказали, что переключили свое внимание на приобретение взрывчатых веществ для совершения террористического акта. Над кем?

Н. Лурье: Над Ворошиловым.

Председатель суда: На улице или в помещении?

Н. Лурье: На улице.

Н. Лурье о подготовке покушения в Челябинске против т. т. Кагановича и Орджоникидзе:

В июле 1933 года Н. Лурье был командирован в Челябинск на работу в качестве врача-хирурга (по специальности).

В Челябинске Н. Лурье не прекращает своей террористической деятельности и не оставляет своих террористических замыслов. Н. Лурье показывает суду, что, зная о приездах в Челябинск т. т. Кагановича и Орджоникидзе, он пытался встретить их на заводе и совершить террористический акт. Эти намерения осуществить не удалось.

В январе 1936 года Н. Лурье уезжает из Челябинска, получив научную командировку в Ленинград. Будучи проездом в Москве, он встречает там Моисея Лурье, который дал ему задание — совершить покушение на тов. Жданова.

Председатель суда: Какие указания вам давал Моисей Лурье о терроре в 1934—35—36 гг.?

Н. Лурье: Я ему рассказывал, что думаю совершить покушение на Орджоникидзе и Кагановича, но затем в январе месяце 1936 г. он поручил мне стрелять в Жданова на Первомайской демонстрации в Ленинграде.

Председатель суда: Вы считали Моисея Лурье вашим руководителем, раз принимали такие указания?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Когда вы уезжали в Ленинград, вы приняли на себя проведение в жизнь указания М. Лурье?

Н. Лурье: Я знал, что я буду участвовать в Первомайской демонстрации и, если будет возможность, я постараюсь это поручение выполнить.

Председатель суда: Вы участвовали в демонстрации?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Были вооружены?

Н. Лурье: Да, револьвером.

Председатель суда: Откуда вы достали оружие в этом году?

Н. Лурье: Оно оставалось на хранении у Константа.

Председатель суда: Когда вы взяли это оружие?

Н. Лурье: В марте 1936 г.

Председатель суда: Какой системы револьвер?

Н. Лурье: Браунинг.

Председатель суда: Какой? Средний?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Вам удалось пройти в колонны демонстрантов на площадь Урицкого?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Почему вам не удалось произвести покушение на Жданова?

Н. Лурье: Мы далеко проходили.

ДОПРОС М. ЛУРЬЕ.

М. Лурье о заданиях от Рут Фишер на совершение террористических актов над руководителями ВКП(б) и сов. правительства:

На вопрос председателя М. Лурье заявляет, что полностью подтверждает свои показания, данные им на предварительном следствии.

Вышинский: Скажите, пожалуйста, обвиняемый Лурье, какие вы сделали конкретные шаги в террористической вашей деятельности?

М. Лурье: Я получил задание директивного порядка, уезжая из Берлина в Москву 4 марта 1933 года. Получил это задание от Рут Фишер и Маслова, но фактически это было задание самого Троцкого. С Рут Фишер я был связан с 1924 г., а по оппозиционной работе в зиновьевской фракции — с октября 1925 года; а с Масловым — с 1927 г. после моего возвращения из Москвы в Берлин. Характер за-

дания следующий: Троцкий считает и настаивает, а мы, т. е. Маслов и Рут Фишер, солидарны с этой директивой Троцкого, заключающейся в следующем: необходимо ускорить организацию террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства, и в первую очередь над Сталиным. Эту директиву я принял лично в устной форме от Рут Фишер и Маслова, как я уже сказал, 4 марта 1933 года.

М. Лурье о практических мероприятиях по выполнению директив Троцкого и Рут Фишер:

Вышинский: Я жду ваших объяснений по поводу практических шагов в этом направлении.

М. Лурье: Прибыв в Москву 9 марта 1933 года, я передал эту устную директиву по назначению, а именно — бывшему личному emissару Зиновьева в Берли-

не — Герпбергу А. В. С Герпбергом я был связан по зиновьевской работе с ноября 1927 года до его отъезда в Москву, в конце 1931 года. Передал я эту директиву не позже второй половины апреля. Герпберг задание принял и сказал, что эта директива Троцкого, Рут Фишер и Маслова полностью совпадает с уже имеющимися тождественными решениями нашего центра в стране.

М. Лурье о его встречах с Зиновьевым:

Отвечая на вопросы прокурора о практических шагах, предпринятых подсудимым в отношении организации террористических актов, М. Лурье сообщает о трех его встречах с Зиновьевым. В одной из этих встреч, имевшей место на квартире у Зиновьева в начале августа 1934 г., Лурье подробно информировал Зиновьева о директивах Троцкого, полученных через Рут Фишер и Маслова, о подготовке террористических актов, в частности, о деятельности группы его однофамильца — Натана Лурье.

М. Лурье о подготовке покушения против Орджоникидзе:

Вышинский: Скажите, пожалуйста, вы были связаны с Натаном Лурье?

М. Лурье: Да, я был связан с Натаном Лурье, примерно, с апреля месяца 1933 г. до 2 января 1936 г.

Вышинский: Вы знали Натана Лурье, как члена подпольной троцкистской организации?

М. Лурье: Безусловно.

Вышинский: Вы знали, что в этот период Натан Лурье занимался подготовкой ряда террористических актов?

М. Лурье: Совершенно верно.

Далее М. Лурье рассказывает, как он организовывал покушение на тов. Орджоникидзе. Этот террористический акт должен был быть осуществлен во время приезда тов. Орджоникидзе на Челябинский тракторный завод. Для этой цели М. Лурье

предложил уезжающему на Челябинский тракторный завод Н. Лурье использовать возможный приезд тов. Орджоникидзе на завод для осуществления террористического акта.

Вышинский: Еще в каких мероприятиях по совершению террористических актов вы участвовали?

М. Лурье: Я участвовал в подготовке покушения на Жданова.

Обвиняемый подробно рассказывает, как 2 января 1936 г. он передал Натану Лурье конкретное задание об организации террористического акта против тов. Жданова, обещал ему дополнительно дать явки и связать его с террористической группой Зайделя в Ленинграде.

Далее тов. Вышинский спрашивает М. Лурье, что он еще может добавить в своих показаниях.

М. Лурье о связи с фашистом Ф. Вайцем и об информации

Зиновьева об этом:

М. Лурье: Я могу внести некоторые допол-

нения к показанию Натана Лурье и о моем важном разговоре с Зиновьевым о группе Вайца. Натан Лурье сообщил мне конкретно о работе террористической группы, организованной Вайцем. Заметив мою растерянность по поводу такого союзника, Н. Лурье спросил меня, как я отношусь к этому делу. Я ответил, что мое личное отношение здесь роли не играет, что я немедленно об этом передам по назначению, сказав Н. Лурье — если ты не получишь отрицательного ответа, стало быть, ты работаешь уже с ведома центра.

Вышинский: Кого вы персонально имели в виду?

М. Лурье: Я имел связь с особо доверенным лицом Зиновьева — Герцбергом А. В. Натан Лурье не получил от меня отрицательного ответа. Группа Натана Лурье, организованная фашистом Франц Вайцем, со времени разговора Натана Лурье со мною в апреле 1933 г., работала с ведома и безусловно с согласия центра и лично Зиновьева.

В заключение допроса М. Лурье происходит следующий диалог:

Вышинский: Следовательно, вы признаете, что были в течение длительного ряда лет членом подпольной троцкистской организации?

М. Лурье: Да, полностью признаю.

Вышинский: Эта организация преследовала террористические цели?

М. Лурье: Признаю, я привез такую директиву.

Вышинский: Вы подтверждаете, что получили директиву о терроре от Троцкого через Рут Фишер и Маслова и передали ее Зиновьеву?

М. Лурье: Да.

Вышинский: Вам известно, что директива была передана?

М. Лурье: Совершенно точно.

Вышинский: Вы были связаны с группой Натана Лурье и одновременно с фашистским агентом Франц Вайцем?

М. Лурье: Да.

Вышинский: Вместе с Натаном Лурье вы готовили ряд покушений и дали установку на подготовку покушения против тов. Сталина?

М. Лурье: Я не принимал участия в подготовке, но передал директиву о покушении.

Вышинский: Вы дали задание подготовить покушение на Орджоникидзе и Жданова, при чем дали не только задание, но указали и связи?

М. Лурье: Да, я сказал Натану Лурье, что он еще получит явку.

ДОПРОС ТЕР-ВАГАНЯНА.

Тер-Ваганян сообщает о связи Смирнова с грузинскими уклонистами, которые были настроены террористически:

Отвечая на вопрос тов. Вышинского том, из каких соображений Смирнов это отрицает, Тер-Ваганян объясняет суду, что Смирнов боится сказать перед судом всю правду, потому что вслед за этим ему пришлось бы назвать ряд лиц, который имел касательство к террору. В частности, говорит Тер-Ваганян, Смирнов не хочет сказать, что, начиная с 1928 года, он систематически поддерживал связь с грузинскими уклонистами. В 1932 году, после приезда из-за границы, Смирнов имел свидание с грузинскими уклонистами, которые, как известно, были настроены террористически с 1928 года.

Вышинский: Смирнов, вы подтверждаете, что были связаны с грузинскими уклонистами?

Смирнов: В 1929 году я встречался с Окуджавой.

Вышинский (обращаясь к Тер-Ваганяну): Группа Штыкгольда к какому относится времени?

Из дальнейшего опроса подсудимого Тер-Ваганяна выясняется связь И. Н. Смирнова с террористической группой Штыкгольда.

— Штыкгольда, — говорит Тер-Ваганян, — познакомил со мной в 1929 году И. Н. Смирнов, который попросил, чтобы я Штыкгольда принимал, когда он будет при-

езжать. Он не хотел, чтобы Штыкгольд еще с кем-нибудь виделся. Такая конспирация имела только один смысл: Штыкгольд имел какие-то особые связи, которые нужно было беречь.

На заданный тов. Вышинским вопрос И. Н. Смирнов отрицает, что он знакомил Штыкгольда с Тер-Ваганяном и что был с ним на квартире у последнего. Однако, учитывая Тер-Ваганяном, он вынужден признать, что такая встреча могла иметь место.

Вышинский (обращаясь к Смирнову): Вы допускаете, что вы могли зайти к Тер-Ваганяну со Штыкгольдом?

Смирнов: В 1929 г. допускаю.

Вышинский: Значит, в 1929 г. вы, Тер-Ваганян и Штыкгольд встречались?

Смирнов: Возможно.

Тер-Ваганян (обращаясь к Смирнову): Это было зимой 1929—30 г.?

Смирнов: Да.

Вышинский (обращаясь к Тер-Ваганяну): Группа Штыкгольда была террористической?

Тер-Ваганян: Да, была террористической.

Тер-Ваганян о связях с Ломинадзе:

С осени 1931 года, — продолжает Тер-Ваганян, — начинается моя очень тесная связь и дружба с Ломинадзе. С Ломинадзе я встречался неоднократно, и при этих встречах мы вели разговоры о блоке.

Продолжая свои показания, Тер-Ваганян говорит, что в этот период начались переговоры троцкистов с зиновьевцами и «леваками» об объединении, при чем установка на террор была совершенно ясна.

Вышинский: Когда это было?

Тер-Ваганян: После приезда Смирнова из Берлина.

Вышинский: В этот период была ясна установка на террор?

Тер-Ваганян: Да, ясна, потому что директива была уже привезена.

Тов. Вышинский, уточняя вопрос, на какой основе состоялся блок с «левака-

ми», задает подсудимому Смирнову ряд вопросов. Из ответов Смирнова выясняется, что блок был создан на террористической основе.

Вышинский (обращаясь к Смирнову): Вы организовали блок или нет?

Смирнов: Я поручил Тер-Ваганяну вести переговоры с Ломинадзе.

Вышинский: Для чего?

Смирнов: Для объединения.

Вышинский: Объединение состоялось?

Смирнов: Да.

Вышинский: С «леваками»?

Смирнов: Да.

Вышинский: Вы вошли в блок?

Смирнов: Да.

Вышинский: Тогда действовала директива о терроре?

Смирнов: Да.

Тер-Ваганян о контакте в террорист. работе с Зайделем и Фридляндом:

Отвечая на вопрос тов. Вышинского о своей личной террористической деятельности, Тер-Ваганян подчеркивает, что он проводил террористическую работу под руководством Смирнова и Каменева. В частности, он обсуждал вопрос о терроре с троцкистами Зайделем и Фридляндом. «В 1932 году, — говорит Тер-Ваганян, — при встрече с Фридляндом я ему сказал,

что сейчас необходимо перейти к насильственной борьбе с партией. На его вопрос — что означают насильственные формы борьбы? — я ему ответил: ты же не ребенок — насильственные формы борьбы — это террористические формы борьбы. Это же ясно».

Рядом вопросов тов. Вышинский уточняет взаимоотношения по террористической работе между Тер-Ваганяном и Фридляндом. Из ответов Тер-Ваганяна выясняется, что Тер-Ваганян давал Фридлянду указания об организации террористических актов.

ДОПРОС ФРИЦА ДАВИДА.

Фриц Давид рассказывает об установках Троцкого не связываться с др. террористами:

7 На вопрос председателя суда обвиняемый подтверждает свои показания о тех заданиях, которые он получил лично от Троцкого в Копенгагене. Чтобы не подвергать риску подпольную троцкистскую организацию, Фриц Давид в СССР ни с кем не связывался, кроме Бермана-Юрифа. Это было сделано, как заявляет подсудимый, по прямому указанию Троцкого.

Фриц Давид о своей поездке к Троцкому:

2 Фриц Давид, отвечая на вопросы тов. Вышинского, подробно показывает суду, как он связался в августе 1932 года с Седовым, а через последнего с Троцким.

Вышинский: Когда вы встретились с Троцким?

Фриц Давид: Я с ним встретился в конце ноября 1932 года.

Вышинский: Как вы приехали к нему?

Фриц Давид: Я приехал по фальшивому паспорту. В одной из бесед, которую я имел с Седовым, он сказал мне, что Троцкий должен приехать в Европу и желал бы со мною повидаться.

Вышинский: Скажите, в этой встрече с Троцким у вас был разговор о терроре?

Фриц Давид: Был.

Вышинский: По чьей инициативе?

Фриц Давид: По инициативе Троцкого.

Фриц Давид об указаниях Троцкого о необходимости убийства т. Сталина:

В своих показаниях о содержании беседы с Троцким Фриц Давид заявляет, что Троцкий говорил о том, что приход троцкистов к власти в СССР возможен только при условии физического уничтожения Сталина.

В качестве одной из перспектив Троцкий выдвигал поражение в случае войны, но подчеркивал, что «есть более близкая перспектива прихода троцкистов к власти — перспектива физического устранения Сталина».

Вышинский: Как вы отнеслись к этой мысли?

3 Фриц Давид: Я эту вторую перспективу принял.

Вышинский: Вы так и сказали ему, что вы эту установку принимаете, что вы согласны?

Фриц Давид: Да.

Вышинский: Что же дальше произошло?

Фриц Давид: Дальше Троцкий дал мне две директивы. Первая директива касалась конспирации.

Вышинский: Вы сказали ему, что вы возьмете на себя террористическое поручение?

Фриц Давид: Да. Он предложил мне поехать в СССР и совершить террористический акт лично, без помощи других, без какой-нибудь организации, без связи с другими троцкистами.

Вышинский: К этому и сводилась директива о конспирации?

Фриц Давид: Да. Троцкий мне говорил, что это дело связано с риском и что не имеет смысла ввязываться в этот риск троцкистскую организацию в СССР. Вторая директива касалась того, что этот террористический акт должен носить международный характер, произведен на международном собрании. Этот выстрел, по выражению Троцкого, должен прогреметь на весь мир.

Фриц Давид об указаниях Троцкого о совместимости индивидуального террора с марксизмом:

Вышинский: Этим и закончилась ваша беседа?

Фриц Давид: Этим и закончилась наша беседа, очень длинная. Кроме того, Троцкий говорил еще, например, о том, что разговоры о несовместимости индивидуального террора с марксизмом — это тема для мешанины от марксизма.

Фриц Давид о директивах Троцкого о двурушничестве и о необходимости совершить терр. акт на XIII пленуме ИККИ или на конгрессе КИ:

Вышинский: Какие еще инструкции давал вам Троцкий?

Фриц Давид: Троцкий предложил мне держать себя в СССР так, чтобы не проявлять никаких уклонов от генеральной линии партии, чтобы в своих выступлениях в печати я строго придерживался линии партии и чтобы после совершения террористического акта я ни в коем случае не раскрывал тайн.

Приехав в марте 1933 года в СССР, Фриц Давид встретился с Берман-Юриным, который его разыскал по поручению Седова. Фриц Давидом и Берман-Юриным были разработаны два конкретных плана покушения на товарища Сталина: первое покушение — на 13-м пленуме ИККИ, второе — на VII конгрессе Коминтерна. Эти замыслы сорвались, так как на 13-м пленуме товарищ Сталин не присутствовал. На конгресс Коминтерна проник только один Фриц Давид, так как для Берман-Юрина он не сумел достать билета. Фриц Давид, по его словам, не смог совершить террористического акта потому, что приблизиться к товарищу Сталину было невозможно.

Вышинский: Вы, значит, проникли на конгрессе?

Фриц Давид: Да, я был на конгрессе.

Вышинский: Почему террористический акт не состоялся?

Фриц Давид: В обвинительном заключении правильно говорится о том, что я не мог приблизиться к Сталину.

Вышинский: Вы пошли на конгресс, чтобы совершить покушение?

Фриц Давид: Конечно.

После VII конгресса к Фрицу Давиду дважды являлись посланцы от сына Троцкого — Седова, которые от имени Седова обвиняли террористов в недостаточной активности и предлагали им ускорить террористический акт, согласно указаний Троцкого.

Вышинский: Эти встречи происходили на основе ваших террористических планов?

Фриц Давид: Встречи были вызваны тем, что акт на VII конгрессе не произошел, и это вызвало ярость Седова.

Вышинский: Но у вас прошли эти террористические настроения или сохранились до последнего времени?

Фриц Давид: Да, сохранились.

Вышинский: До какого времени?

Фриц Давид: До ареста.

Вышинский: Таким образом, можно подвести итоги. Вы были членом троцкистской организации и лично выдвинулись с Троцким. Троцкий лично командировал вас в СССР для того, чтобы совершить террористический акт, предупредив вас, что вы должны быть строго законспирированы. Этим объясняется то, что вы не вступили в связь с другими членами троцкистской организации, кроме Берман-Юрина. Вместе с Берман-Юриным, который получил аналогичное поручение, вы подготовили покушение на товарища Сталина, приурочивая это к VII конгрессу в 1935 г. Вы лично проникли на конгресс, воспользовавшись своими связями в Коминтерне, чтобы совершить этот акт, но это вам не удалось по обстоятельствам, от вас не зависящим.

Фриц Давид: Этот последний момент я отчасти оспариваю не для того, чтобы смягчить свою вину, а просто, чтобы представить всю картину.

Вышинский: Тогда скажем: по объективным обстоятельствам?

Фриц Давид: По объективным и субъективным факторам.

Вышинский: Но вы не будете отрицать предъявленного вам обвинения в том, что вам это выполнить не удалось вследствие того, что вы не смогли

проникнуть поближе к Президиуму и не имели возможности приблизиться к товарищу Сталину?

Фриц Давид: Это одна причина.

Вышинский: Да, это одна причина, но причина очевидная, объективная, а все остальное — это психология.

На этом допрос обвиняемых закончился.

"Правда" от 24 августа 1936г.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ.

Мрачковский признает, что партия помогала ему отходить от троцкизма:

1
h-a

— Почему же я, — говорит далее Мрачковский, — стал на контрреволюционный путь? Связь с Троцким — вот что меня к этому привело; вот с каких пор я начал обманывать партию, обманывать ее вождей. Могут сказать: не помогла партия, может быть, можно было оторвать от контрреволюции и спасти парня, а партия не приняла мер. Неверно это. Партия сделала все, чтобы оторвать меня от контрреволюции. Партия помогала и крепко помогала мне.

Мрачковский признает, что он предатель партии:

2

— Я сказал, пожалуй, все, — заканчивает Мрачковский. — Пусть все помнят, что контрреволюционером может быть не только генерал, не только князь или дворянин, но могут быть контрреволюционерами и рабочие или выходцы из рабочих, такие, как я.

Я ухожу, как предатель своей партии, как изменник, которого надо расстрелять, и прошу об одном, чтобы мне поверили, что я на следствии всю эту блевотину выплюнул.

Евдокимов заявляет, что они ничем не отличаются от фашистов:

3

Мы от фашистов отличаемся очень невыгодно. Фашизм прямо и открыто написал на своем знамени «смерть коммунизму». У нас все время было на устах «Да здравствует коммунизм», а на деле борьба против победившего в СССР социализма. На словах — «Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)», на деле — подготовка убийств членов Политбюро Центрального Комитета Партии, одного из которых мы и убили. На словах «Долой империализм!», на деле — ставка на поражение СССР в борьбе с международным империализмом.

Евдокимов об Азефе Троцком:

4

— Троцкий, — продолжает подсудимый Евдокимов, — не сидит вместе с нами на скамье подсудимых, так как находится за границей. У него две перспективы: либо исчезнуть немедленно и бесследно, как исчез Азеф, не только с политической арены, но вообще с арены жизни, перейти в небытие, спрятаться по какой-нибудь фальшивке, как спрятался Азеф, либо предстать в свое время перед пролетарским судом.

Др. Дрейцер заявляет, что все они убийцы:

— Политический вес и биография каждого из нас, — говорит Дрейцер, — не одинаковы в прошлом. Но, став убийцами, мы сравнялись здесь. Я во всяком случае принадлежу к тем, кто не вправе ни рассчитывать, ни просить о пощаде. 5

Рейнгольд признает, что троцк.-зин. организация-ударный отряд белогвардейщины:

— Как бы ни решилась наша судьба, — говорит в своем последнем слове подсудимый Рейнгольд, — но мы уже расстреляны политически. Представитель государственного обвинения голосом 170-миллионного советского народа потребовал для нас, как для бешеных собак, расстрела. Я знал, куда я иду и на что я иду. Я и вся сияющая здесь террористическая троцкистско-зиновьевская организация разбита этим процессом, как ударный отряд, ударный белогвардейский фашистский отряд международной контрреволюционной буржуазии.

— Крут сомкнулся. Конец политическому маскараду, конец бутафории с оппозициями, дискуссиями, платформами. На место оппозиции стал государственный заговор, на место дискуссии и платформы — пуля и бомба. — Рейнгольд заканчивает:

6. — Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита, похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова. 11

Бакаев заявляет, что Троцкий является организатором и душой террористического блока:

Мы, троцкисты и зиновьевцы, работали не только на пользу международной контрреволюционной буржуазии, но работали рука об руку с агентами самого злобного врага рабочего класса — фашизма.

— Факты, прошедшие перед судом, показывают всему миру, что организатором невиданного в мире троцкистско-зиновьевского контрреволюционного террористического блока и душой его является Троцкий. За интересы Зиновьева и Каменева я прозакладывал свою голову. Меня глубоко тяготит сознание того, что я стал послушным орудием в руках Зиновьева и Каменева, стал агентом контрреволюции, что я поднял руку на Сталина. 7.

Пикель признает, что зиновьевцы и троцкисты представляют собою озверелую шайку уголовных преступников, являющихся отрядом международного фашизма:

Подсудимый Пикель дает детальный обзор истории развития троцкистско-зиновьевской оппозиции, ставшей бандой контрреволюционеров-террористов. Он заявляет, что уже с 1925 года борьба этой оппозиции против партии, ее Центрального Комитета носила все элементы политического бандитизма. Эта борьба началась с гнусных инсинуаций против руководства партии и кончилась террористическими актами.

— Вывод может быть только один, — говорит Пикель. — Мы представляем собой самую озверелую шайку уголовных преступников, являющуюся не чем иным, как отрядом международного фашизма. Троцкий, Зиновьев и Каменев были нашим знаменем. К этому знамени тянулись не только мы, подонки советской страны, но и шпионы, диверсанты и агенты иностранных государств.

Каменев признает, что был организатором террор. заговора, говорит, что использовал все возможности борьбы с партией:

— Я вместе с Зиновьевым и Троцким, — заявляет Каменев, — был организатором и руководителем террористического заговора, замышлявшего и подготовлявшего ряд террористических покушений против руководителей правительства и партии нашей страны и осуществившего убийство Кирова.

— 10 лет, если не больше, — продолжает Каменев, — я вел борьбу против партии, против правительства советской страны, лично против Сталина. В этой борьбе я использовал, мне кажется, весь известный мне арсенал политических средств — открытую политическую дискуссию, попытки проникнуть на фабрики и заводы, нелегальные прокламации, подпольные типографии, обман партии, выход на улицу и организацию уличных выступлений, заговор и, наконец, террор.

Каменев заявляет, что пролетарская революция была для них великодушной:

и изучал когда-то историю политического движения и не могу вспомнить такой формы политической борьбы, которую мы не проводили бы за последние 10 лет. Нам в нашей политической борьбе пролетарская революция предоставила такой срок, какой никогда ни одна революция не предоставляла своим врагам. Буржуазная революция 18-го века давала своим врагам недели и дни, а затем уничтожала их. Пролетарская революция 10 лет предоставляла нам возможность исправиться и понять свои ошибки. Но мы этого не сделали. Я трижды был возвращен в партию. Я был возвращен из ссылки по одному лишь моему личному заявлению. После всех моих ошибок мне доверялись ответственные поручения и посты. Я сейчас стою третий раз перед пролетарским судом по обвинению в террористических намерениях, замыслах и действиях.

Дважды мне была сохранена жизнь. Но всему есть предел, есть предел и великодушию пролетариата, и этот предел мы исчерпали.

Каменев заявляет, что связь з.-т.с фашистами была случайной:

Я спрашиваю себя, — говорит далее Каменев, — случайность ли то, что рядом со мною, Зиновьевым, Евдокимовым, Бакаевым, Мрачковским сидят эмиссары иностранных охранок, люди с фальшивыми паспортами, с сомнительными биографиями и с несомненными связями с Гестапо? Нет! Не случайность это. Мы сидим здесь вместе с агентами иностранных охранок, потому что нашим оружием было одно и то же, потому что руки наши переплелись раньше, чем судьбы наши переплелись здесь, на этой скамье.

Так, — заканчивает Каменев, — служили мы фашизму, так организовывали мы контрреволюцию против социализма, готовили, расчищали дорогу интервентам. Таков был наш путь и такова та яма презренной измены и всякой мерзости, в которую мы свалились.

Зиновьев признает свою вину:

12 Я хочу еще раз сказать, — начинает свое последнее слово подсудимый Зиновьев, — что признаю себя целиком и полностью виновным. Я виновен в том, что был вторым после Троцкого организатором трокистско-зиновьевского блока, поставившего себе целью убийство Сталина, Ворошилова и ряда других руководителей партии и правительства. Я признаю себя виновным в том, что был главным организатором убийства Кирова.

Зиновьев жалеет, что не послушался предостережения партии

13 — Партия, — продолжает Зиновьев, — видела, куда мы идем, и предостерегала нас. В одном из своих выступлений Сталин указывал, что среди оппозиций могут появиться тенденции насильственным путем навязать свою волю партии. Дзержинский еще перед 14-м съездом партии на одном из совещаний назвал нас кронштайтами. Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе, Дзержинский, Микоян все-таки пытались нас убедить, спасти нас. Они десятки раз говорили нам: вы можете причинить огромный вред партии и советскому государству, вы сами при этом погибнете. Мы не послушались этих предостережений. Мы вступили в союз с Троцким.

Зиновьев говорит о том, что они стали заместителями эсеровского терроризма, не дореволюционного терроризма против самодержавия, а право-эсеровск. терроризма эпохи гражд. войны:

Мы стали заместителями меньшевиков, эсеров, белогвардейцев, которые не могли выступать открыто в нашей стране. Мы стали заместителями эсеровского терроризма. Не дореволюционного терроризма, направленного против самодержавия, а право-эсеровского терроризма эпохи

данской войны, когда эсеры стреляли в Ленина.

Зиновьев рассказывает, как он через Троцкого пришел к

фашизму:

Мой дефективный большевизм превратился в антибольшевизм, и я через троцкизм пришел к фашизму. Троцкизм — это разновидность фашизма, а зиновьевщина — разновидность троцкизма.

— Вы мне поверите, граждане судьи, что наибольшим наказанием, чем все, что мне предстоит, был для меня момент, когда я слушал здесь показания Натана Лурье и показания Ольберга. Я чувствовал и понимал, что мое имя будет связано с именами тех, которые стояли со мною рядом. По правую руку — с Ольбергом, по левую руку — с Натаном Лурье...

* * *

15

Смирнов признает свои ошибки и призывает всех сторонников своих порвать с Троцким:

Продолжая свое слово, Смирнов говорит, что уже в 1931 году он вновь поднял борьбу с руководством партии.

— Это была моя ошибка, которая переросла затем в преступление. Это толкнуло меня на восстановление связи с Троцким, толкнуло на искание связи с группой зиновьевцев, это привело меня к блоку с группой зиновьевцев, к получению в ноябре 1932 г. через Гавена директивы о терроре от Троцкого, привело к террору. Директиву Троцкого о терроре я передал блоку, куда входил в качестве члена центра. Блок эту директиву принял, стал действовать.

Затем, как и на предварительном и судебном следствии, Смирнов продолжает отрицать ответственность за преступления, совершенные троцкистско-зиновьевским террористическим центром после своего ареста.

Далее Смирнов обращается ко всем своим сторонникам с призывом твердо порвать с прошлым, бороться с троцкизмом и Троцким, заявляя: «нет другого пути у нашей страны, чем тот, по которому она идет, и нет и не может быть другого руководства, чем то, которое дано нам историей. Троцкий, который посылает директивы и установил на террор и рассматривает наше государство как фашистское — враг, он на другой стороне баррикады, и с ним надо бороться».

16

ЧТО УСТАНОВЛИВАЕТ ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ. (1)

Об"единенный троцкистско-зиновьевский террористический центр.

Что было основой организации т.-з.блока и почему они перешли на путь террора: (2)

Признание Зиновьева, что задачей т.-з.центра было убийство т.т.Сталина и Кирова (3)

Рейнгольд о переходе т.-з.блока на путь террора(4)

Каменев о причинах перехода зиновьевцев и троцкистов на путь террора (5)

Евдокимов об организации об"единенного центра и о террористических установках(6)

Рейнгольд об организации т.-з.блока и причинах перехода к террору (7)

Рейнгольд о платформе т.-з.блока (8)

Смирнов о встречах с сыном Троцкого Седовым (И) об указании Седова на необходимость перехода к террору (9)

Тер-Ваганян о террористической установке т.-з. блока(10)

Пикель о терроре, как единственной основе т.з.блока(11)

Рейнгольд о двурушнической установке Зиновьева(12)

Директивы Троцкого, чтобы занять впоследствии такую же позицию, какую в свое время занял эсеровский ЦК по делу Каплан(13)

Об"единенный центр старался доказывать свою преданность партии и советской власти, чтобы использовать по совершении убийства тов.Сталина свое прощение при жизни т.Сталина (14)

Каменев о двух вариантах прихода к власти(15)

Троцкий дает директиву о переходе к террору (16)

Дрейцер о письменной директиве Троцкого (17)

Троцкий после убийства т.Кирова берет на себя руководство террористической деятельностью и форсирует организацию убийства т.т.Сталина и Ворошилова (19)

Показания Ольдберга о его связях с сыном Троцкого (20)

Ольдберг о способах своей поездки в СССР и о задаче скрыть связь Троцкого с террором (21)

Ольдберг о связи с Гестапо (22)

Берман-Юрин о директивах, которые он получил от Троцкого (23)

М.Лурье о связях с Гестапо (24)

Зиновьев о связях с Гестапо (25)

Н.Лурье о связях с Гестапо (26)

Рейнгольд о планах замести следы (27)

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЙ ЦЕНТР И УБИЙСТВО ТОВ.КИРОВА.

Евдокимов показывает, что т.з.центр убил Кирова (28)

Зиновьев также показывает, что з.т.центр убил Кирова (29)

Каменев также признает ответственность т.з.центра за убийство Кирова (30)

Рейнрольд о роли Зиновьева, Бакаева и всего объединенного т.з.центра в деле убийства Кирова (31)

Бакаев, как практический исполнитель постановлений центра (32)

Бакаев, Карев и Евдокимов о роли Бакаева, как одного из главных организаторов убийства Кирова (33)

Об инструктивной поездке Каменева в Ленинград (34)

Зиновьев форсирует убийство тов.Кирова (35)

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБ"ЕДИНЕННЫМ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИМ
ЦЕНТРОМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ ПРОТИВ ТОВАРИЩЕЙ
ВОРОШИЛОВА, ЖДАНОВА, КАГАНОВИЧА, КОСИОРА, ПОСТЫШЕВА,
ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Организация з.т.центром террористических актов. Зиновьев
о необходимости убить всех ближайших помощников тов. Сталина
(36)

Различные террористические группы готовили убийство
тов. тов. Ворошилова, Кагановича, Жданова, Косиора, Орджоникидзе,
Постышева. Мрачковский о подготовке покушения на тов. Воро-
шилова (37)

Дрейцер о подготовке покушения на тов. Ворошилова (38)

Рейнгольд о подготовке покушения против т. Ворошилова
(39)

Констатация прокуратуры (40)

Что устанавливает обвинительное заключение.

Эти вновь открывшиеся обстоятельства с несомненностью устанавливают:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1) что в конце 1932 года произошло объединение троцкистской и зиновьевской групп, организовавших объединенный центр в составе привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева (от зиновьевцев) и Смирнова И. Н., Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов);

2) что основным условием объединения этих контрреволюционных групп явилось взаимное признание индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства;

3) что именно с этого времени (конец 1932 года) троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям Л. Троцкого, полученным объединенным центром через специальных агентов, сосредоточили всю свою враждебную деятельность против ВКП(б) и советского правитель-

ства, главным образом, на организации террора в отношении их виднейших руководителей;

4) что в этих целях объединенным центром были организованы специальные террористические группы, подготовившие ряд практических мероприятий по убийству тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева и др.;

5) что одной из этих террористических групп, в составе Николаева, Румянцева, Мандельштама, Левина, Котлынова и других, осужденных Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 28—29 декабря 1934 года, было осуществлено 1-го декабря 1934 года, по прямому указанию Зиновьева и Л. Троцкого и под непосредственным руководством объединенного центра, злодейское убийство тов. С. М. Кирова.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЙ

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР.

Что было основой организации т.-з. блока и почему они перешли на путь террора:

I. Троцкистско-зиновьевский объединенный террористический центр

Показаниями Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Мрачковского, Бакаева и ряда других обвиняемых по настоящему делу с несомненностью установлено, что единственным мотивом организации троцкистско-зиновьевского блока явилось стремление во что бы то ни стало захватить власть и что единственным и решающим средством для этого была избрана организация террористических актов против виднейших руководителей партии и правительства.

Лишенные всякой опоры в рабочем классе и трудящихся народных массах СССР, растерявшие весь свой идейный багаж, не имея в руках никакой политической программы, проникнутые злобной ненавистью к социалистическим победам нашей родины, вожди троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока — Троцкий, Зиновьев и Каменев окончательно скатились в болото белогвардейщины, сомкнулись и слились с самыми отъявленными врагами советской власти, превратились в организующую силу последней разгромленной в СССР эксплуататорских классов. В отчаянии и ненависти они прибегли к подлейшему средству борьбы с советским правительством и руководителями ВКП(б) — к политическим убийствам.

Сначала перед лицом первых успехов социализма в СССР они не теряли надежды на возникновение трудностей, с которыми, по их расчетам, советская власть не сможет справиться. Но видя затем, что эти трудности с успехом преодолеваются, и наша страна выходит из трудностей победительницей, они откровенно поставили ставку на осложнение международных отношений, на войну и поражение советской власти.

Не видя для себя благоприятных перспектив, они берутся за оружие, организуют подпольные террористические группы и пускают в ход наиболее гнусное средство борьбы — террор.

Сейчас троцкистско-зиновьевские заговорщики свою борьбу против ВКП(б) и советской власти мотивируют уже не, якобы, неправильной политикой партии и советского правительства, не тем, что, якобы, ВКП(б) и советская власть ведут страну к гибели, как лживо и клеветнически они утверждали раньше. Главным мотивом применения террора теперь они считают успехи строительства социализма в СССР, успехи в деле культурного и экономического подъема страны, каковые успехи, демонстрируя идейное и политическое банкротство троцкистов-зиновьевцев, еще более озлобляют их против советской власти и усиливают у них стремление отомстить советской власти за свой политический провал путем применения террора.

Признание Зиновьева, что задачей т.-з.центра было убийство т.т.Сталина и Кирова.

Несмотря на упорное заpiresательство, обвиняемый Зиновьев должен был под тяжестью предъявленных ему следственными органами улик признать, что:

«...Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б) и, в первую очередь, убийство Сталина и Кирова».

(т. XII, л. д. 16).

(3)

Рейнгольд о переходе т.-з.блока на путь террора.

Другой участник этого центра, обвиняемый Рейнгольд, на допросе от 3-го июля 1936 года показал:

4 «...Главное, на чем сходились все участники блока, было... признание необходимости консолидации всех сил для овладения партийным руководством. Я должен признать, что основной задачей троцкистско-зиновьевского блока было насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства и, прежде всего, Сталина. В конце 1932 года центр принял решение об организации террористической борьбы против руководства ВКП(б) и правительства. Мне известно, что троцкистская часть блока получила директиву от Л. Д. Троцкого о переходе на путь террора и подготовки покушений против Сталина».

(т. XXVII, л. д. 52).

Каменев о причинах перехода зиновьевцев и троцкистов на путь террора.

Об этом же с исчерпывающей полнотой дал показание на допросе 23 июля 1936 года и обвиняемый Каменев. Обвиняемый Каменев показал:

«...Выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б) вызвали в нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии и, в первую очередь, к Сталину».

«...Мы, т. е. зиновьевский центр контрреволюционной организации, состав которого мною назван выше, и троцкистская контрреволюционная организация в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна договаривались в 1932 году об объединении обоих, т. е. зиновьевской и троцкистской к.-р. организаций для совместной подготовки совершения террористических актов против руководителей ЦК, в первую очередь, против Сталина и Кирова».

«...Главное заключается в том, что и Зиновьев и мы, — я, Каменев, Евдокимов, Бакаев и троцкистские руководители, — Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян в 1932 году решили, что единственным средством, с помощью которого мы можем надеяться на приход к власти, является организация совершения тер-

ВКП(б), в первую очередь, против Сталина. На этой именно базе террористической борьбы против руководителей ВКП(б) и велись переговоры между нами и троцкистами об объединении.

(т. XV, л. д. 10, 12, 13).

Обвиняемый Каменев далее показал:

«...Ставка же наша на непреодолимость трудностей, которые переживала страна, на кризисное состояние хозяйства, на крах хозяйственной политики партийного руководства ко второй половине 1932 года уже была явно бита».

Страна под руководством ЦК ВКП(б), преодолевая трудности, успешно шла по пути хозяйственного роста. Мы этого не видеть не могли.

Казалось бы, что мы должны были прекратить борьбу. Однако, логика контрреволюционной борьбы, голое безидейное посягательство на власть повели нас в другом направлении. Выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б) вызвали в нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии и, в первую очередь, к Сталину».

Евдокимов об организации об'единенного центра и о террористических установках.

(т. XV, л. д. 27).

Это подтвердил и обв. Евдокимов, давший 10 августа с. г. подробные показания об организации об'единенного центра и его террористических установках. На вопрос следствия о том, на какой основе возник троцкистско-зиновьевский блок, обв. Евдокимов показал:

«...Мрачковский заявил: «Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы — это путь насильственного устранения руководства партии и правительства...» Видя, что я согласен с ним, Мрачковский уже без всяких опасений, что во мне он не найдет поддержки, продолжал: «Надо убрать Сталина и других руководителей партии и правительства. В этом главная задача».

Тут же Мрачковский сообщил мне, что троцкисты получили директиву от Троцкого о необходимости организации террористических покушений на руководителей партии и правительства, что Троцкий, находясь за пределами Союза, правильно определяет задачи борьбы с руководством ВКП(б). Наряду с этим логикой борьбы он сам и другие троцкисты пришли к выводу, что путь террора есть единственно остающийся путь борьбы...

Смирнов развивал те же взгляды, как и Мрачковский... В заключение Мрачковский и Смирнов предложили об'единить силы троцкистов и зиновьевцев и приступить к созданию законспирированных террористических групп для совершения террористических актов против руководителей партии и правительства.

(т. XXXVI, л. д. 10).

Рейнгольд об организации т.-з. блока и причинах перехода к террору.

Аналогичные показания дал и член Московского террористического центра Рейнгольд И. И., показавший следующее:

«...С Каменевым я встречался во второй половине 1933 года, а также в 1934 году, у него на квартире в Карманицком переулке в Москве. Каменев оценивал положение, примерно, так же, как и Зиновьев, причем подкреплял эти свои выводы анализом экономической и политической обстановки в стране. Каменев приходил к выводу, что дело все-таки идет не к катастрофе, а к подъему; поэтому все ожидания автоматического краха беспочвенны, а сложившееся руководство слишком твердый гранит, чтобы рассчитывать на то, что руководство это само расколется. Отсюда Каменев делал вывод, что «придется руководство раскалывать».

Каменев неоднократно цитировал Троцкого о том, что «все дело в верхушке, и что поэтому надо снять верхушку».

Каменев доказывал необходимость террористической борьбы и, прежде всего, убийство Сталина, указывая, что этот путь есть единственный для прихода к власти. Помню особенно его циничное заявление о том, что «головы отличаются тем, что они не отрастают».

Каменев предлагал готовить боевиков-террористов. Он говорил, что отличительной особенностью нового блока по сравнению с прежним оппозиционным блоком является переход к активным террористическим действиям».

(т. XXVII, л. д. 61).

Рейнгольд о платформе т.-з.блока.

Он говорил далее:

«...Я уже показывал выше, что никакой новой политической программы у троцкистско-зиновьевского объединенного блока не было. Исходили из старой обветшалой платформы, причем никто из лидеров блока не занимался и не интересовался вопросом разработки какой-либо и сколько-нибудь цельной и связной политической программы. Единственно, что объединяло весь этот разношерстный блок, — была идея террористической борьбы против руководителей партии и правительства.

8 На деле блок являлся контрреволюционной террористической бандой убийц, стремившихся любыми средствами захватить в свои руки власть в стране».

(т. XXVII, л. д. 72—73).

Смирнов о встречах с сыном Троцкого Седовым (и) об указании Седова на необходимость перехода к террору.

Обвиняемый Смирнов И. Н. на допросе от 5 августа 1936 года также признал, что еще в 1931 году во время пребывания своего в Берлине он имел встречу с сыном Л. Троцкого — Седовым.

Смирнов И. Н. показал:

«...В процессе нашей беседы Л. Седов, анализируя положение в Советском Союзе, высказал свое мнение, что в данных условиях только путь насильственного устранения руководящих лиц в ВКП(б) и советском

правительстве может привести к изменению общего положения в стране...».

«...Я признаю, что установка на террор, как на единственную меру, могущую изменить положение в Советском Союзе, мне была известна из разговора с Седовым в 1931 году в Берлине, как его личная установка. Я признаю, что эта установка о терроре была подтверждена Л. Троцким в 1932 году в его личной директиве, переданной мне через Ю. Гавена.

Я признаю, что Тер-Ваганян, ведший с моего ведома от имени троцкистской группы переговоры с леваками и зиновьевцами, в 1932 году заключил с Каменевым, Зиновьевым и группой Ломинадзе блок для совместной борьбы с ВКП(б) и советским правительством и что в основу этого блока была положена директива Л. Троцкого о терроре против руководителей ВКП(б) и советского государства».

9 (т. XXIX, л. д. 93, 104).

Тер-Ваганян о террористической установке т.-з.блока.

Обв. Тер-Ваганян В. А. подтвердил эти показания обв. Смирнова, признав свое участие в объединенном центре так же, как и участие в нем обвиняемых Смирнова И. Н., Мрачковского, Зиновьева и Каменева.

Обв. Тер-Ваганян признал, что —

«троцкистская организация, возглавлявшаяся И. Н. Смирновым, в своей контрреволюционной деятельности особенно культивировала ненависть и озлобление к руководству ВКП(б)... На этой ненависти и основался блок...».

(т. XXXVIII, л. д. 11).

Обв. Тер-Ваганян также признал, что еще в 1931 г. —

«от Троцкого Седовым была получена для И. Н. Смирнова и для троцкистского подполья в СССР специальная директива о переходе на самые активные и острые методы борьбы с партией и ее руководством».

(т. XXXVIII, л. д. 27).

Подтверждая показания обв. Мрачковского по этому вопросу, обв. Тер-Ваганян показал:

«Мрачковский прав в том, что сам троцкистско-зиновьевский блок был организован действительно на признании необходимости борьбы с руководством партии и правительства методами террора».

(т. XXXVIII, л. д. 32).

Таким образом, не оставляет никакого сомнения, что троцкистско-зиновьевский блок превратился в группу беспринципных политических авантюристов-убийц, стремящихся к

одному — пробраться к власти, хотя бы путем террора.

Такова единственная и исчерпывающая «программа» этого общества политических убийц.

10

Пикель о терроре, как единственной основе т.-з.блока.

О терроре, как единственной основе, на которой произошло в 1932 г. объединение троцкистов и зиновьевцев, на предварительном следствии дал показания и обв. Пикель Р. В. На допросе 23 июля Пикель показал:

«...По информации, которую нам сделал Рейнгольд в начале 1934 года, объединенный всесоюзный контрреволюционный центр троцкистско-зиновьевского блока решил усилиями троцкистов и зиновьевцев нанести ВКП(б) сокрушительный удар путем ряда террористических актов, задачей которых было обезглавить руководство и захватить власть в свои руки.

Всесоюзным центром троцкистско-зиновьевского блока тогда был прямо поставлен вопрос о необходимости «хирургического вмешательства» (подразумевался террор) для того, чтобы решительным образом изменить положение в стране. Для этой цели центр дал директиву приступить к подбору людей, крайне озлобленных против партийного руководства, обладающих огромной силой воли, способных на совершение террористических покушений против вождей ВКП(б)».

(т. XXV, л. д. 65).

11

Рейнгольд о двурушнической установке Зиновьева.

В соответствии с линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами, участники этого блока широко практиковали двурушничество, как особый и основной метод своих отношений с партией и правительством, доведя это двурушничество до чудовищных размеров и превратив его в систему, которой могли бы позавидовать любые Азефы и Малиновские, любая охранка со всеми ее шпионами, провокаторами и диверсантами.

Одной из важнейших задач троцкистско-зиновьевского блока было всячески скрыть, замаскировать свою контрреволюционную деятельность и организацию террористических актов.

По этому поводу обвиняемый Рейнгольд показал:

«...В 1933—1934 году Зиновьев у себя на квартире с глазу на глаз говорил мне следующее: «...главная практическая задача построить террористическую работу настолько конспиративно, чтобы никоим образом себя не скомпрометировать...».

«...На следствии главное—это упорно отрицать какую-либо связь с организацией. При обвинении в террористической деятель-

ности категорическим образом отрицать это, аргументируя тем, что террор не совместим со взглядами большевиков-марксистов».

(т. XXVII, л. д. 110, 112).

Из обвинительного заключения
Директивы Троцкого, чтобы занять впоследствии такую же позицию, какую в свое время занял эсеровский ЦК по делу Кап-
лан.

3. Аналогичные указания давал и Л. Троцкий, рекомендуя в случае совершения террористических актов отмежевываться от них и «занять позицию, аналогичную занятой в свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан», стрелявшей в В. И. Ленина.

Об'единенный центр старался доказывать свою преданность партии и советской власти, чтобы использовать по совершении убийства тов. Сталина свое прощение при жизни т. Сталина.

Об'единенный центр прибегал к глубокой конспирации и тщательной маскировке своей террористической деятельности также еще и потому, что в его задачи входило обмануть бдительность рабочего класса и трудящихся масс. Об'единенный центр, готовя убийство тов. Сталина и других руководителей ВКП(б), одновременно старался всеми средствами засвидетельствовать свою лояльность и даже преданность партии и советской власти, свое раскаяние в прежних ошибках и готовность честно служить пролетарской революции. Руководители об'единенного центра рассчитывали на то, что, будучи «прощенными», они, совершив убийство тов. Сталина, смогут свое «прощение» использовать для прихода к власти. По этому поводу обвиняемый Рейнгольд показал:

«...Считали — я говорю о руководителях троцкистско-зиновьевского центра, — что тот факт, что еще при жизни Сталина мы были прощены, нам оказано было доверие, — обеспечит приближение наше к руководству и власти, а вслед за тем, после прихода к власти Зиновьева, Каменева и их единомышленников, они обеспечат возвращение к руководству и власти и Троцкого».

(т. XXVII, л. д. 168 об.).

Каменев о двух вариантах прихода к власти.

Об этом же на следствии показал и обвиняемый Каменев:

«...Этот вопрос нами обсуждался неоднократно. Нами были намечены и предопределены два варианта прихода лидеров троцкистско-зиновьевского блока к власти.

Первый, и казавшийся нам наиболее реальным, вариант заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным в руководстве партии и правительства произойдет замешательство, и с нами, лидерами зиновьевского блока, в первую очередь, с Зиновьевым, Каменевым и Троцким вступят в переговоры.

Мы исходили из того, что в этих переговорах я и Зиновьев займем в партии и стране главенствующее положение, т. к. и

при Сталине мы своей двурушнической политикой добились все же того, что партия простила нам наши ошибки и вернула нас в свои ряды, а участие наше — меня, Зиновьева и Троцкого в террористических актах останется тайной для партии и страны.

Второй вариант захвата власти, казавшийся нам менее надежным, заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным создастся неуверенность и дезорганизованность в руководстве партии и страны.

Руководителям троцкистско-зиновьевского блока удастся воспользоваться замешательством и принудить оставшихся руководителей партии допустить нас к власти или же заставить их уступить нам свое место.

Появление Троцкого и активное его участие в борьбе за захват власти предполагалось, как само собой разумеющееся».

(т. XV, л. д. 33—34).

Троцкий дает директиву о переходе к террору.

На путь террора объединенный троцкистско-зиновьевский центр стал под непосредственным влиянием Л. Д. Троцкого, который лично дал членам объединенного центра ряд соответствующих устных и письменных директив.

На допросе 20 июля 1936 г. обвиняемый Мрачковский С. В. показал:

«...Линия на террор нами, троцкистами, была взята еще задолго до создания блока с Зиновьевым, Каменевым. В 1931 г., когда И. Н. Смирнов был в Берлине и связался с Троцким Л., от последнего были получены директивы приступить к организации боевых групп троцкистов».

(т. XVIII, л. д. 40, 41).

Тот же Мрачковский показал:

«...По директиве Л. Троцкого, полученной в 1931 году И. Н. Смирновым, мы должны были убить Сталина, Ворошилова, Кагановича. В первую очередь намечался Сталин».

(т. XVIII, л. д. 42).

Дрейцер о письменной директиве Троцкого.

Об отношении Троцкого к созданию объединенного троцкистско-зиновьевского блока и переходу к террористическим методам борьбы обвиняемый Мрачковский показал следующее:

«...В середине 1932 года И. Н. Смирнов поставил перед нашей руководящей тройкой вопрос о необходимости объединения нашей организации с группами Зиновьева — Каменева и Шацкого — Ломинадзе... Тогда же было решено запросить по этому делу Троцкого Л. и получить от него указания. Троцкий Л. ответил согла-

сием на создание блока при условии принятия объединяющимися в блок группами вопроса о необходимости насильственного устранения вождей ВКП(б) и, в первую очередь, Сталина».

(т. XVIII, л. д. 44, 45).

Эти показания Мрачковского полностью подтвердил обвиняемый Дрейцер, показавший на допросе:

«...По прямой директиве Л. Троцкого наш всесоюзный центр троцкистско-зиновьевского блока должен был подготовить и совершить убийство Сталина и Ворошилова с целью обезглавить руководство ВКП(б) и Красной армии».

(т. X, л. д. 99).

Письмо Троцкого о необходимости террора (показание Дрейцера).

Обвиняемый Дрейцер лично в 1934 году получил письменную директиву Троцкого через сына Л. Троцкого — Седова о подготовке и совершении террористического акта против товарища Сталина. Это письмо было написано лично Троцким. По показаниям Дрейцера, письмо было следующего содержания:

«Дорогой друг. Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи:

- 1) убить Сталина и Ворошилова;
- 2) развернуть работу по организации ячеек в армии;
- 3) в случае войны использовать всякие неудачи и замешательство для захвата руководства».

«Письмо заканчивалось указанием — показал обвиняемый Дрейцер — информировать Троцкого о ходе работы по выполнению указанных директив. Должен добавить, что эти указания Троцкого полностью подтверждали директивы, полученные мною в мае 1934 г. от Мрачковского».

(т. X, л. д. 102, 103).

Это письмо было адресовано Троцким лично Дрейцеру, как одному из наиболее преданных ему людей, выполнявшему одно время обязанности начальника его личной охраны.

Это письмо Дрейцер передал Мрачковскому, которым, по показаниям Дрейцера и самого Мрачковского, оно и было впоследствии в конспиративных целях уничтожено.

Помимо указанного выше письма Троцкий передал трокистско-зиновьевскому центру еще ряд устных и письменных директив о терроре. В частности, одну из таких

директив он передал при личной встрече обвиняемому Гольцману, который являлся связистом между Л. Троцким и трокистско-зиновьевским центром.

Письмо Троцкого о необходимости террора

Троцкий после убийства т. Кирова берет на себя руководство террористической деятельностью и форсирует организацию убийства т. т. Сталина и Ворошилова.

Следствием установлено, что после разгрома, в связи с убийством тов. Кирова, трокистско-зиновьевского центра Л. Троцкий, взяв лично на себя руководство террористической деятельностью в СССР, стал усиленно форсировать организацию убийства товарищей Сталина и Ворошилова. В этих целях он принимает ряд мер по восстановлению террористических групп в СССР и активизации их деятельности, перебрасывая для этого из-за границы в СССР своих проверенных агентов и используя, кроме того, в этих же целях приезжающих из СССР за границу, под видом служебных командировок, членов подпольных трокистских организаций.

Следствием установлено, что в качестве таких агентов из Берлина в Москву в разное время были переброшены обвиняемые В. Ольберг, Берман-Юрин, Фриц Давид (Круглянский), Моисей Лурье, Натан Лурье и некоторые другие, получившие непосредственно от Л. Д. Троцкого и его сына Седова (Л. Л. Троцкого) задания во что бы то ни стало организовать убийство тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича и других руководителей партии.

Показания Ольберга о его связях с сыном Троцкого.

Один из троцкистских агентов — В. Ольберг, прибывший в СССР по паспорту подданного республики Гондурас, будучи арестован и привлечен к следствию, показал:

«...Активной троцкистской деятельностью, как я уже показал, я начал заниматься с начала 1930 года. Кроме перечисленных мною лиц, я был лично связан с Троцким и его сыном Львом Седовым, выполнял ряд персональных поручений Троцкого по линии троцкистской организации и являлся его эмиссаром в Германии. Как эмиссар Троцкого в Германии, я вел работу, как внутри троцкистской организации в Берлине, так и по нелегальной связи с Советским Союзом. Связь с Советским Союзом я осуществлял по адресам и явкам, которые мне давал Лев Седов».

(т. XXI, л. д. 24).

«...В этом письме — показал далее В. Ольберг — Троцкий писал Седову, что он полностью согласен с выдвинутой им моей кандидатурой на поездку в Советский Союз. Троцкий писал, что он считает меня абсолютно подходящим человеком, на которого можно вполне положиться в таком остром деле».

К этому Ольберг прибавил:

«Седов мне заявил, что я обязан любыми путями скрыть роль Троцкого в организации террористического акта над Сталиным и что даже, если я буду арестован при обстановке, где моя роль, как террориста, будет совершенно очевидна, я должен скрыть, что я троцкист и выполняю террористический акт по заданию Троцкого».

(т. XXI, л. д. 77, 78).

Ольберг о способах своей поездки в СССР и о задаче скрыть связь Троцкого с террором.

В. Ольберг признал, что он нелегально приехал в СССР с целью ведения троцкистской контрреволюционной работы и организации террористического акта над тов. Сталиным.

На допросе 21 февраля с. г. В. Ольберг показал, что во время одного из свиданий с сыном Л. Троцкого — Седовым, по-

Как установлено следствием, В. Ольберг прибыл в СССР по паспорту подданного республики Гондурас, полученному при помощи немецкой тайной полиции (Гестапо).

По этому поводу на допросе В. Ольберга в Прокуратуре Союза последний показал.

«...Седов обещал помочь достать паспорт, чтобы вновь вернуться в СССР. Но мне удалось достать паспорт через своего младшего брата Пауля Ольберга. Благодаря своим связям с германской полицией и ее агентом в Праге Тукалевским В. я получил паспорт гражданина республики Гондурас за взятку. Деньги за паспорт — 13.000 чехословацких крон я получил от Седова, вернее от троцкистской организации по поручению Седова».

(т. XXI, л. д. 262).

Ольбер о связи с Гестапо.

Будучи передопрошен по поводу своей связи с Гестапо В. Ольберг 31 июля с. г. показал:

«Подтверждая также показания от 9 мая с. г., подчеркиваю, что моя связь с Гестапо вовсе не была исключением, чтобы об этой связи можно было говорить, как о каком-то грехопадении отдельного троцкиста. Это была линия троцкистов в соответствии с директивой Л. Троцкого, данной через Седова. Связь шла по линии организации в СССР террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства».

«...Я несколько раз встречался с видным чиновником Гестапо, фамилия которого мне названа не была, а я не считал удобным этим интересоваться. С этим чиновником я беседовал о своем первом путешествии в Москву и о своих планах по подготовке теракта. Этот чиновник знал о моем брате, как об агенте Гестапо, к которому он и рекомендовал в случае необходимости обращаться за содействием».

(т. XXI, л. д. 263—об. 264).

Это показание В. Ольберга полностью подтвердил и арестованный по другому делу его брат Пауль Ольберг, также являю-

щийся агентом германской тайной полиции. Именно он, Пауль Ольберг, связал своего брата В. Ольберга, как они оба об этом показывают, с Гестапо и оказал В. Ольбергу содействие в получении из Гестапо паспорта гражданина республики Гондурас, каковой паспорт и приобщен к настоящему делу в качестве вещественного доказательства.

Пауль Ольберг также подтвердил, что поездка в СССР В. Ольберга была организована с террористическими целями.

«...Валентин Ольберг мне сообщил — заявил Пауль Ольберг на допросе 16-го мая с. г. — что сотрудником германской тайной полиции ему было заявлено, что всем лицам, участвующим в подготовке и совершении террористического акта, будет предоставлено убежище в Германии».

(т. XXIV, л. д. 231).

Другой троцкистский агент, переброшенный в СССР с террористическими заданиями, — Берман-Юрин показал:

«...Моя личная роль заключалась в том, что я прибыл в СССР, как особо доверенное лицо Льва Давыдовича Троцкого со специальными заданиями и директивами от него».

(т. IV, л. д. 30).

Берман-Юрин о директивах, которые он получил от Троцкого.

Как установлено следствием, эти «специальные задания и директивы» заключались в организации убийства тов. Сталина. Это признал обвиняемый Берман-Юрин, показавший, что, встретившись в Копенгагене с Л. Троцким, он получил от Троцкого

Одновременно с Берманом-Юриным Л. Троцким был переброшен в СССР для подготовки террористических актов и обвиняемый Фриц Давид (Круглянский И. И.).

Фриц Давид (Круглянский И. И.) осенью 1932 года также имел встречу с Л. Троцким, устроенную ему Седовым.

230

кого.

Как установлено следствием, эти «специальные задания и директивы» заключались в организации убийства тов. Сталина. Это признал обвиняемый Берман-Юрин, показавший, что, встретившись в Копенгагене с Л. Троцким, он получил от Троцкого указание о необходимости убийства тов. Сталина.

«...В этой беседе — показал обвиняемый Берман-Юрин — Троцкий открыто заявил мне, что в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами, и что Сталин должен быть физически уничтожен».

(т. IV, л. д. 36).

«...Троцкий подчеркнул, что покушение должно быть подготовлено чрезвычайно тщательно и осмотрительно, приурочено к какому-нибудь большому политическому событию международного значения; предпочтительнее всего, если представится случай, приурочить покушение к какому-нибудь пленуму Коминтерна или конгрессу. Троцкий указал, что такой террористический акт на конгрессе или на пленуме сразу придаст этому акту характер международного политического события, всколыхнет массы далеко за пределами СССР и вызовет мощное движение».

Троцкий сказал мне, что этот террористический акт против Сталина не должен быть совершен конспиративно, в тиши, что его убийство должно быть совершено публично, пред международным форумом».

(т. IV, л. д. 38—39).

Одновременно с Берманом-Юриным Л. Троцким был переброшен в СССР для подготовки террористических актов и обвиняемый Фриц Давид (Круглянский И. И.).

Фриц Давид (Круглянский И. И.) осенью 1932 года также имел встречу с Л. Троцким, устроенную ему Седовым. В беседе с ним Троцкий предложил Фрицу Давиду (Круглянскому И. И.) взять на себя, как он выразился, «историческую миссию» — убить Сталина.

Фриц Давид (Круглянский И. И.) показал:

«...Предложив мне поехать в СССР для убийства Сталина, Троцкий рекомендовал в целях конспирации не поддерживать открытых связей с троцкистами и оставаться внешне на позициях ЦК КПГ».

Этот разговор с Троцким происходил в ноябре 1932 года и я принял его предложение убить Сталина».

(т. VIII, л. д. 73).

Берман-Юрин, прибыв в СССР, нашел Фрица Давида по явке, данной ему Седовым. Фриц Давид (Круглянский И. И.) и Берман-Юрин решили осуществить убийство тов. Сталина на VII-м Конгрессе Коминтерна. Однако, это им привести в исполнение не удалось вследствие того, что Берман-Юрин не смог проникнуть на конгресс, а Фриц Давид (Круглянский И. И.), хотя и проник на конгресс, не смог осуществить своего преступного намерения, так как далеко сидел от Президиума и не имел никакой возможности приблизиться к тов. Сталину.

Как признали на следствии, оба обвиняемые, на VII-м конгрессе Фриц Давид

7 (Круглянский И. И.) должен был стрелять в тов. Сталина из браунинга, который он получил от Бермана-Юрина. (т. VIII, л. д. 77).

Следствием также установлено, что террористическая группа, возглавлявшаяся переброшенным Л. Троцким из-за границы его агентом Моисеем Лурье, была фактически организована активным германским фашистом Францем Вайцем, представителем Гимлера, являвшегося в то время руководителем охранных фашистских отрядов, а сейчас являющегося руководителем германской охраны

М. Лурье о связях с Гестапо.

По этому поводу М. Лурье на допросе от 21 июля с. г. показал:

«Натан Лурье ответил, что он как и прежде, так и сейчас является убежденным троцкистом, и сообщил, что с апреля 1932 года здесь в Москве организована количественно небольшая, но выдержанная по своему составу террористическая группа...»

«...На мой вопрос, по чьей директиве и по чьей инициативе организована эта боевая группа, Н. Лурье ответил, что боевая группа была создана неким Францем Вайцем...».

«...На мой вопрос, кто такой Франц Вайц, Н. Лурье, сначала весьма неохотно, дал мне следующий ответ: Франц Вайц является активным членом национал-социалистической партии в Германии и доверенным лицом Гимлера (нынешний руководитель Гестапо в Германии). Гимлер тогда являлся руководителем «СС» — черных охранников...».

«...Основной задачей группы — по словам Вайца — являлась подготовка террористических актов против Сталина, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе...»

(т. XXXII, л. л. 243, 244).

Зиновьев о связях с Гестапо.

Об этом сообщении Н. Лурье обв. М. Лурье подробно информировал Зиновьева, желая выяснить отношение Зиновьева к связи с фашистами и немецкой охранкой.

Выслушав сообщение М. Лурье, Зиновьев ответил:

«Что же здесь вас смущает? Вы же историк, Моисей Ильич, вы знаете дело Лассалья с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции».

«...Этой исторической параллелью — добавил М. Лурье — Зиновьев хотел убедить в возможности и необходимости использования союза с социал-националистами в борьбе против ВКП(б) и советского правительства».

(т. XXXII, л. д. 252).

Н. Лурье о связях с Гестапо.

Показания М. Лурье полностью подтвердил Н. Лурье, показав на допросе от 21 июня:

«Я должен признать, что возглавлявшаяся мною боевая террористическая группа с осени 1932 года и до конца 1933 года активно готовила террористический акт над Наркомом Обороны Ворошиловым...».

«...Это задание я получил от германского инженера-архитектора, члена национал-социалистической партии Германии Вайца Франца, представителя Гимлера, нынешнего руководителя Гестапо».

«...В августе 1932 года, уезжая в отпуск в Германию, Франц Вайц возложил на меня руководство боевой террористической группой и поставил передо мной задачу подготовить и совершить террористические акты над Сталиным, Кагановичем и Ворошиловым».

(т. XXXIII, л. д. 141—142).

Таким образом, обвиняемые М. Лурье и Н. Лурье, вступив в непосредственную организационную связь с немецкими фашистами и немецкой охранкой, предали интересы советского государства и изменили родине.

26

Рейнгольд о планах замести следы.

Наконец, установленные следствием обстоятельства показывают, что руководители троцкистско-зиновьевского блока — Л. Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие в своей борьбе против советского государства пали до того, что в своих нравах оказались более презренными, чем самые закоренелые банды — уголовных преступников. Организуя террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского государства, руководители объединенного центра одновременно подготавливали истребление своих собственных агентов-террористов в целях окончательного уничтожения всяких следов совершенных ими преступлений.

По этому поводу обвиняемый Рейнгольд показал следующее:

«Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити подготовлявшегося ими государственного заговора. Поэтому они считали важнейшей задачей уничтожение каких бы то ни было следов совершенных преступлений. С этой целью предполагалось Бакаева назначить председателем ОГПУ. На него возлагалась задача физического уничтожения как непосредственных исполнителей террористических актов над Сталиным и Кировым, так и тех работников ОГПУ, которые могли бы держать в своих руках нити совершенных преступлений».

(т. XXVII, л. д. 163—164).

В

27

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЙ ЦЕНТР
И УБИЙСТВО ТОВА. КИРОВА.

Евдокимов показывает, что т.-з.центр убил Кирова.

Обв. Евдокимов полностью это подтвердил, заявив на допросе 10 августа с. г. следующее:

«...На судебном процессе по делу убийства Кирова, я—Евдокимов, Зиновьев, Каменев, Бакаев, Гертик и другие обманули органы власти и суд, утаив, что убийство Кирова было подготовлено и осуществлено нами — участниками троцкистско-зиновьевского блока.

Убийство Кирова было осуществлено Ленинградским террористическим центром по прямой директиве объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока».

(т. XXXVI, л. д. 6).

«...В 1934 году Зиновьев, действуя от имени троцкистско-зиновьевской организации, дал прямую директиву Бакаеву организовать убийство Кирова.

В принятии решения об убийстве Кирова участвовали помимо Зиновьева—Каменева, я—Евдокимов, Бакаев, а также представители троцкистов в лице Мрачковского и Тер-Ваганяна. Бакаев, с целью подготовки убийства, выехал осенью 1934 года в Ленинград, связался там с активными участниками нашей организации: Котолыновым, Левиным, Румянцевым, Мандельштамом и Мясниковым, составившими, так называемый, ленинградский террористический центр. При Ленин-

градском центре была активная группа террористов, которая непосредственно вела подготовку убийства Кирова».

(т. XXXVI, л. д. 6).

Зиновьев также показывает, что з.-т.центр убил Кирова.

После упорного запирательства обвиняемый Зиновьев, уличенный рядом показаний других обвиняемых, должен был признать, что еще в 1932 году объединенным троцкистско-зиновьевским центром было принято решение об организации террористических актов над тов. Сталиным в Москве и тов. Кировым в Ленинграде.

«Осенью 1932 года — показал обвиняемый Зиновьев — на моей даче в Ильинском, в присутствии Каменева, Бакаева, Евдокимова и Карева, мною поручено было Бакаеву подготовить террористический акт над Сталиным, а Кареву — над Кировым».

(т. XII, л. д. 36).

Обвиняемый Зиновьев также показал:

«В 1934 году, месяца точно не помню, в середине года, мне Евдокимов рассказывал об одной из поездок Гертика в Ленинград, во время которой Гертик связался с Котолыновым, причем в результате этой встречи Котолынов заявил Гертику, что он принимает непосредственное участие в подготовке убийства Кирова».

(т. XII, л. д. 37, 38).

Каменев также признает ответственность т.-з.центра за убийство Кирова.

Об этом показал также обвиняемый Каменев, подтвердивший факт совещания в Ильинском, на котором было решено осуществить террористические акты против тт. Сталина и Кирова. Обвиняемый Каменев показал:

«Вынужден признать, что до совещания в Ильинском Зиновьев сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова, при этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока — Смирнов, Мрачковский и Ваганян, что у них имеется прямая директива по этому поводу от Троцкого и что они требуют практического перехода к этому мероприятию, в осуществление тех начал, которые были положены в основу блока».

(т. XV, л. д. 15—16).

К этому обвиняемый Каменев добавил: «Я к этому решению присоединился, так как целиком его разделял».

(т. XV, л. д. 16).

Рейнгольд о роли Зиновьева, Бакаева и всего объединенного т.-з.центра в деле убийства Кирова.

О роли Зиновьева, Бакаева и всего объединенного троцкистско-зиновьевского центра в деле убийства тов. С. М. Кирова подробно показал обвиняемый Рейнгольд, заявивший следующее:

«Лично от Зиновьева мне известно, что убийство Кирова в Ленинграде готовилось по его прямой директиве и директиве центра троцкистско-зиновьевского блока. При этом разговоре с Зиновьевым, имевшем место в августе 1934 года на его квартире, он, я уже показал, упрекнул московскую боевую организацию в медлительности и слабой активности».

Мотивируя необходимость совершения террористического акта против Кирова, Зиновьев говорил, что Кирова надо физически уничтожить, как ближайшего помощника Сталина. Он добавил при этом, что «мало срубить дуб, надо срубить все молодые подлубки, которые около этого дуба растут». Необходимость убийства Кирова Зиновьев мотивировал также тем, что Киров является руководителем ленинградской организации и лично ответственен за разгром оппозиции в Ленинграде.

Как я уже показал, руководство ленинградской боевой организацией непосредственно осуществлялось Бакаевым. Организационную связь с этой организацией держал также Файвилович».

(т. XXVII, л. д. 70).

Бакаев, как практический исполнитель постановлений центра.

Как установлено следствием, практическое осуществление плана организации убийства тов. Кирова было возложено объединенным центром на члена этого центра И. П. Бакаева.

Об этом прямо показывает обвиняемый Зиновьев, признавший, что именно Бакаеву от имени объединенного центра им, Зиновьевым, была поручена организация террористических актов над тов. Сталиным — в Москве и тов. Кировым — в Ленинграде. (т. XII, л. д. 36).

Бакаев, Карев и Евдокимов о роли Бакаева, как одного из главных организаторов убийства Кирова.

Упорно запиравшийся в вопросе о своем участии в организации убийства тов. Кирова обвиняемый Бакаев, под тяжестью предъявленных ему улик, показал:

«Я признаю, что мне лично Зиновьев поручил организовать убийство Сталина в Москве, а Кареву убийство Кирова в Ленинграде. Я предложил Кареву для

этой цели установить контакт в Ленинграде с участниками организации — Владимиром Левиным и Анишевым, а Зиновьев в свою очередь предложил мне связать Карева в Ленинграде также с Румянцевым».

(т. I, л. д. 89).

О роли Бакаева, как одного из главных организаторов убийства тов. Кирова, показал также арестованный по другому делу Н. А. Карев. На допросе 5 июля 1936 года Карев Н. А. заявил:

«Зиновьев сказал, что подготовка террористических актов над Сталиным и Кировым поручена Бакаеву, который должен использовать для этой цели свои связи с зиновьевскими группами в Ленинграде и Москве».

(т. III, л. д. 11).

К этому Карев добавил:

«При разговоре с Бакаевым я узнал, что последний намерен использовать для организации террористического акта над Кировым существующие в Ленинграде, связанные с ним, Бакаевым, зиновьевские группы Румянцева и Котолынова».

(т. III, л. д. 11).

Это полностью подтвердил на следствии и обв. Евдокимов, показавший следующее:

«От Бакаева мне известно, что осенью 1934 г. он, Бакаев, совместно с одним троцкистом-террористом, фамилию которого я не знаю, выезжал в Ленинград для связи с ленинградским террористическим центром и организации убийства Кирова.

Во время этой поездки Бакаев и указанный выше троцкист-террорист виделись с Николаевым и договорились с ним о совершении им убийства Кирова».

(т. XXXVI, л. д. 7, 8).

И далее:

«Бакаев передавал, что террористы выражали уверенность в успехе террористического акта; они считали себя в безопасности. Исходили из того, что все они, в том числе и такие активные зиновьевцы, как Румянцев, Левин, Мясников, Мандельштам и другие, пользуются доверием со стороны ряда руководящих работников партийных и советских организаций в Ленинграде. Это обеспечивало им полную возможность без всякого опасения провала вести подготовку террористического акта против Кирова».

(т. XXXVI, л. д. 9).

Об инструктивной поездке Каменева в Ленинград.

Следствием установлено, что после принятия объединенным зиновьевско-троцкистским центром решения об убийстве тов. С. М. Кирова, Каменев в июне 1934 года специально выехал в Ленинград для проверки хода работы по организации террористического акта над тов. Кировым.

Зиновьев форсирует убийство тов. Кирова.

Зиновьев также всячески форсировал совершение убийства тов. Кирова, упрекая участников террористической группы, как об этом показал арестованный по другому делу Маторин Н. М., бывший личный секретарь

Зиновьева, в медлительности и нерешительности.

Маторин показал:

«Зиновьев мне сказал, что подготовка террористического акта должна быть всемерно форсирована и что к зиме Киров должен быть убит. Зиновьев упрекал меня в недостаточной решительности и энергии. Он сказал, что в вопросе о террористических методах борьбы надо отказаться от предрассудков».

(т. XIV, л. д. 63, 64). 35

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫМ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИМ
ЦЕНТРОМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ ПРОТИВ ТОВАРИЩЕЙ
ВОРОШИЛОВА, ЖДАНОВА, КАГАНОВИЧА, КОСИОРА, ПОСТЫШЕВА,
ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Организация з.-т.центром террористических актов. Зиновьев о необходимости убить всех ближайших помощников тов. Сталина.

36 Материалами следствия установлено, что объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр, после того как убит тов. Кирова, не ограничивался организацией убийства одного лишь тов. Сталина. Террористический троцкистско-зиновьевский центр одновременно вел работы по организации убийства и других руководителей партии, а именно тт. Ворошилова, Жданова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе и Постышева.

Обвиняемый Рейнгольд показал, что Зиновьев, говоря о необходимости убийства т. Кирова, как ближайшего помощника тов. Сталина, добавил:

«Мало срубить дуб, надо срубить все молодые поддубки, которые около дуба растут».

(т. XXVII, л. д. 70).

По показаниям Рейнгольда:

«Основное указание Зиновьева сводилось к следующему: необходимо направить удар против Сталина, Кагановича и Кирова».

(т. XXVII, л. д. 63).

Обвиняемый Рейнгольд подтвердил, что:

36 «Расчет объединенного центра был построен на том, чтобы оглушительным одновременным ударом в Москве и Ленинграде вызвать полную растерянность в партии и стране».

(т. XXVII, л. д. 163).

Различные террористические группы готовили убийство т.т. Ворошилова, Кагановича, Жданова, Косиора, Орджоникидзе, Постышева. Мрачковский о подготовке покушения на тов. Ворошилова.

По поводу подготовки убийства тов. Ворошилова один из членов объединенного центра, обвиняемый Мрачковский показал:

37 «В середине 1934 года Дрейцер Е. мне докладывал, что им подготавливалось одновременно убийство Ворошилова, для чего должен был быть подготовлен Шмидт Дмитрий, бывший в армии на должности командира и не бывший на подозрении в партии. Предполагалось, что он убьет Ворошилова либо во время личного доклада Ворошилову по делам службы, либо во время очередных маневров, на которых будет присутствовать Ворошилов».

(т. XVIII, л. д. 49).

Дрейцер о подготовке покушения на тов. Ворошилова.

Обвиняемый Дрейцер на допросе в Прокуратуре Союза 31-го июля по этому поводу показал:

«Для совершения теракта я привлек Эстермана и Гаевского, а в 1935 г. Шмидта и Кузьмичева. Последние взялись убить Ворошилова».

(т. X, л. д. 195).

Рейнгольд о подготовке покушения против т. Ворошилова.

Показания Мрачковского и Дрейцера также подтвердил и обвиняемый Рейнгольд, показавший следующее:

«Мне известно от Мрачковского и от Дрейцера, что летом 1933 года была организована под руководством Дрейце-

ра троцкистская группа из военных, куда вошли: Шмидт — командир одной из бригад Красной армии, Кузьмичев — начальник штаба одного из воинских соединений, и ряд других лиц, фамилии которых я не знаю. От Дрейцера мне известно, что непосредственными исполнителями террористического акта против Ворошилова были намечены Шмидт и Кузьмичев, которые дали согласие на выполнение этого акта. Предполагалось, что они для этого либо воспользуются од-

ним из приемов у Ворошилова, либо используют посещение Ворошиловым их войсковых частей».

(т. XXVII, л. д. 165, 166).

Следствием также установлено, что ряд террористических групп (Дрейцера, М. Лурье и др.) готовил в тот же период времени покушения на тт. Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косора и Постышева.

Констатация прокуратуры.

Формула обвинения

Анализируя вышеизложенное, следствие считает установленным:

1) что в период 1932—1936 гг. организовался в гор. Москве объединенный троцкистско-зиновьевский центр, поставивший своей задачей в целях захвата власти совершение ряда террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства;

2) что в состав этого объединенного троцкистско-зиновьевского центра из числа привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу вошли от зиновьевцев: Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Евдокимов Г. Е., Бакаев И. П. и от троцкистов Смирнов И. Н., Тер-Ваганян В. А. и Мрачковский С. В.;

3) что в этот период времени объединенным троцкистско-зиновьевским центром был организован ряд террористических групп и был подготовлен ряд практических мероприятий по убийству тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Кирова, Косиора, Орджоникидзе и Постышева;

4) что одной из этих террористических групп, действовавших по прямым указаниям Зиновьева и Л. Троцкого и объединенного троцкистско-зиновьевского центра и под непосредственным руководством обвиняемого Бакаева, было осуществлено 1-го декабря 1934 года злодейское убийство тов. С. М. Кирова.

Привлеченные в качестве обвиняемых по настоящему делу Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Евдокимов Г. Е., Бакаев И. П., Тер-Ваганян В. А., Мрачковский С. В., Дрейцер Е. А., Ольберг В. П., Фриц Давид (Круглянский И. И.), Гольцман Э. С., Пикель Р. В., Рейнгольд И. И., Берман Юрин К. Б., М. Лурье и Н. Лурье — полностью признали себя виновными в предъявленном им обвинении.

Обвиняемый И. Н. Смирнов, признавая свое участие в объединенном центре троцкистско-зиновьевского блока, личную связь с Л. Троцким и встречи его с Л. Седовым во время своего пребывания в 1931 г. за границей, а также и то обстоятельство, что связь с Троцким он поддерживал вплоть до своего ареста в 1933 г., признал, что ему была передана в 1931 г. Седовым и подтверждена в 1932 году директива Л. Троцкого об организации террора против руководителей ВКП(б) и советского государства и что эта директива была положена в основу организации троцкистско-зиновьевского блока.

В то же время обвиняемый И. Н. Смирнов категорически отрицает свое участие в террористической деятельности объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Однако, обвиняемый И. Н. Смирнов изобличается в качестве участника террористической деятельности объединенного центра показаниями обвиняемых: С. В. Мрачковского (т. XXIX, л. д. 76—84, Дрейцера (т. XXXI, л. д. 63), Сафоновой А. Н. (т. XXXI, л. д. 295), Рейнгольда И. И. (т. XXXI, л. д. 138, 284), Зиновьева Г. Е. (т. XII, л. д. 35), Каменева Л. Б. (т. XV, л. д. 28), Евдокимова Г. Е. (т. 36, л. д. 9, 10) и Пикеля Р. В. (т. XXXI, л. д. 78).

На основании изложенного, обвиняются:

1. Зиновьев Григорий Евсеевич, 1883 г. р., служащий, осужденный в 1935 г. по делу «Московского центра» зиновьевцев;

2. Каменев Лев Борисович, 1883 г. р., служащий, осужденный в 1935 г. по делу того же «Московского центра»;

3. Евдокимов Григорий Еремеевич, 1884 г. р., служащий, осужденный в 1935 г. по делу того же «Московского центра»;

4. Бакаев Иван Петрович, 1887 г. р., служащий, осужденный в 1935 г. по делу того же «Московского центра»;